

ВЗРЫВЪ ФОРТА ИНО.

По сообщеніямъ свѣдущихъ людей и по фотографіи рисоваль худ. журн. „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВЪ.

Фортъ Ино на финляндской сторонѣ, расположенный противъ Красной Горки, являлся передовымъ оплотомъ нашимъ, охраняющимъ подступы къ Петрограду. Сдачи Ино требовали финны, подкрѣпленные германцами. Считая положеніе форта безнадежнымъ и не рассчитывая на нынѣшнія красноармейскія части, комендантъ Кронштадта Артамоновъ на свой рискъ и страхъ приказалъ взорвать Ино, предварительно эвакуировавъ все, что можно. Въ ночь на 15 мая н. ст. произошло 40 взрывовъ, и отъ форта Ино ничего не осталось.

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи:
вЪ ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА: (Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),
вЪ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“ — Невскій пр., 50

Очеркъ АВГУРА.

Иллюстрировалъ для „Огонька“
худ. М. АНДРЕЕВЪ.

не наигрывающей ланнеров-
скихъ вальсовъ, а бахающей
оглушительно!.

Того и гляди съ лязгомъ захлопнутся
рѣшетчатые ворота.

У колоннадныхъ желто-канареечныхъ
воротъ Государственного, — нынѣ Народ-
наго банка весь день шмелинымъ ро-
емъ гудитъ потревоженная толпа.

Петроградцы совсѣмъ сбиты съ толку.

Одни изъ потаенныхъ угловъ тянутъ
деньги въ банкъ:

— Сохраний будеть!..

Другіе съ оторопѣлымъ, ошеломленно-
дикимъ видомъ «вынимаютъ» деньги,
берутъ съ текущихъ счетовъ.

— Кто его тамъ знаетъ?! Можетъ, по
декрету ущемлять и переполовинять
рубли!..

* *

За пухлой колонной мрачно-неподвиж-
ный, словно гипсовая каріатида, стынетъ
стражъ въ «доспѣхахъ», при шнурѣ
револьверномъ и съ зорко шпыняющимъ
взоромъ, прощупывающимъ каждого мимо
проходящаго...

Кто онъ, таинственный незнакомецъ?
Съ мирно-буржуазными ли намѣреніями?

* *

Первое, что метнется въ ваши глаза,
это плотная очередь передъ окошечкомъ,

гдѣ мѣняютъ
деньги на мел-
кія купюры.

Кого здѣсь
только вы ни
увидите, какихъ
непостижи-
мыхъ разгово-
ровъ только ни
наслушаешься.

Въ рукахъ — деньги
всѣхъ сортовъ и видовъ.
Деньги, которымъ не
вѣрятъ.

Деньги, которые ненавидятъ, боятся.

Деньги, просто неудобныя. Причуды
толпы и мнительности подчасъ смѣхо-
творны.

* *

Вотъ старушка съ морщинистой жал-
кой фizioноміей, напоминающей апрѣль-
скій грибъ-сморчекъ.

Она вся трясется, то-ли отъ жадно-
сти, то-ли отъ ужаса, и тычетъ куриную

свою лапку въ кассу и пришептываетъ:

— Ужъ уволь, батюшка. Уволь, Хри-
ста ради. Не понимаю толку въ этихъ...
попюрахъ...

— Это въ чемъ?

— Да произношу же тебѣ, дѣточка.
Произношу: пупюру возьми. Смилосьердся.
Давече меня на Конномъ рынкѣ отъ
смѣхомъ, право слово, засмѣяли... «Ты
что, гришь, колотовка — финскую под-
дѣлку приволокла!..»

— У васъ настоящій купонъ. Вѣр-
наго года.

— Такъ ты на цифирь-то погляди,
сдѣлай милость. Тринадцать семьдесятъ
пять. Чертова дюжина...

— Такъ вамъ чего, сударыня, хотѣ-
лось бы?

— Дай другими деньгами... Миѣ
хучь двѣнадцать съ половиной.

— Убытокъ вамъ чистый.

— Пусть убытокъ. А то тебѣ ни ци-
корію купить, ни корюшки... Замаялась,
песъ съ ними...

Или съ прекрасно заведенной, на
швейцарской пружинкѣ, машиной, отнюдь

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ОГОНЬКЪ

Годъ изданія 11-й.

Цена „Огонька“
въ розничной продажѣ:

въ Петроградѣ 75 коп.
въ Петрограда 80 коп.
на ст. жел. дор. 85 коп.

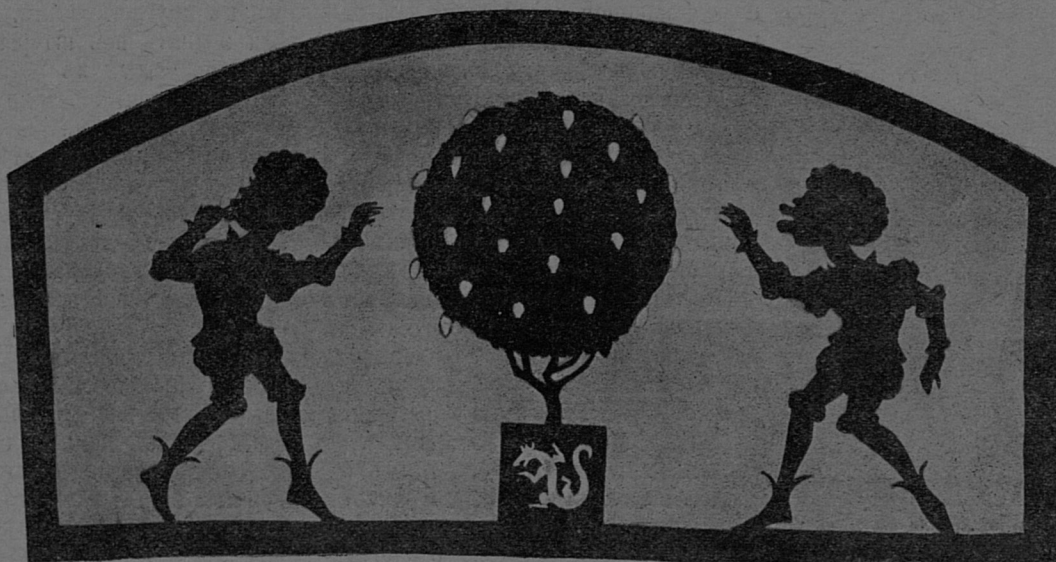
Редакція „Огонька“
Петро. радъ Офицерская ул.
№ 54.

№ 13

Воскресенье, 2 іюня (20 мая) 1918 г.

№ 13

Перепечатка литературного, художественного и фотографического матеріала „Огонька“ безъ полного указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Сказка МАГДАЛИНЫ ВЕРИГО.

Иллюстраціи для „Огонька“ В. В. ГЕЛЬМЕРСЕНЪ.

Иллюстраціи В. В. Гельмерсена являютъ образецъ рѣдкаго художественнаго дарованія. Силуэты вырѣзаны талантливымъ авторомъ изъ черной и сѣрой бумаги, даже безъ предварительной обрисовки контуровъ. У скульптора—глыба камня и рѣзецъ, здѣсь—бумага и маленькія ножницы.

Опускались сумерки. Свѣтъ, проникавшій сквозь разноцвѣтные стекла оконъ, не достигалъ до высокаго потолка, и поэтому своды залы казались уходящими въ безконечную высь. Изогнутыя кресла, маленькіе столики, покрытые легкими тканями, и растенія, стоявшія между ними, бросали на мозаичный полъ причудливыя и смѣшныя тѣни.

Высокая стройная женщина съ распущенными волосами, рыдая, прошла черезъ залу. Длинный шлейфъ ея платья волочился за нею по полу, и шелка его вспыхивали разноцвѣтными блесками, отражая свѣтъ оконныхъ стеколъ.

Вслѣдъ за нею въ комнату вбѣжали два негртенка, одѣтые въ желтый муслинъ. Не найдя никого, они пошатались между собою, покачивая большими круглыми головами на тоненькихъ шеяхъ, и, сорвавши украдкою два померанца съ дерева, росшаго въ лакированномъ китайскомъ вазонѣ, ускользнули такъ же безшумно, какъ и появились.

Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ молодой человѣкъ съ маленькимъ опухлымъ въ рукѣ. Онъ осмотрѣлся вокругъ немного разсѣяннымъ взглядомъ и остановился у высокаго зеркала въ хрустальной рамѣ. Простой сѣро-голубой камзолъ безъ всякихъ украшеній стройно одѣвалъ его легкую фигуру; у него были коротко-стриженные блѣдно-золотые волосы, блѣдный и пѣкный овалъ лица, и глаза настолько прозрачныя и свѣтлыя, что, казалось, ихъ вовсе не было. На губахъ его мерцала застывшая бездумная улыбка.

* * *

Между тѣмъ, плачущая женщина подошла къ тронному залу, гдѣ, какъ разъ въ это время, герцогъ засѣдалъ со своимъ совѣтомъ, обсуждая вопросъ о томъ, какъ подобаетъ устроить торжественную встрѣчу гостямъ изъ Персіи, корабли которыхъ уже приближались къ городу. Восемь членовъ совѣта си-

дѣли по сторонамъ герцога въ малиновыхъ бархатныхъ креслахъ. У всѣхъ восьми были длинныя искусно завитыя бороды цвѣта красноватой бронзы. У герцога же борода была длиннѣе всѣхъ и выкрашена чудесною золотою краской. Стража у дверей почтительно разступилась передъ вошедшею женщиной; а она, закрывая руками лицо, пробѣжала черезъ всю огромную залу и, рыдая, упала на золотыя ступеньки трона, положивъ свою голову на колѣни герцога.

Члены совѣта ни однимъ движеніемъ не высказали своего изумленія, а встревоженный герцогъ воскликнулъ:

— Возлюбленная дочь, дорогая принцесса, скажите ради всего святаго, что могло разстроить васъ до такой степени?

— А хъ, отецъ!—отвѣтила принцесса, заливаясь горькими слезами,—этотъ злой, отвратительный Пинко съѣлъ мою маленькую голубую канареечку и я теперь умираю отъ горя!

— Милая принцесса, умоляю васъ, утѣштесь!—сказалъ герцогъ,—я обещаю вамъ найти другую голубую канареечку, ничуть не худшую прежней, и даже въ десять разъ лучше ея; а злой Пинко будетъ достойно наказанъ за свое преступленіе: завтра въ присутствіи всего двора мы предадимъ его смерти черезъ повѣшеніе со всѣми подобающими церемоніями.

Немного успокоенная принцесса сѣла на золотыя ступени и прислонилась го-

ловъ, одѣтыхъ райскими птицами, подняли ея длинный шлейфъ. Величавая и надменная, она удалилась, опираясь на руку Хольвейга и высоко поднимъ свое блѣдное лицо съ красными заплаканными глазами.

* * *

Ночью шелъ дождь. Графъ Хольвейгъ пріоткрылъ окно и высунулъ за него руку, чтобы поймать нѣсколько капель дождя, въ воспоминаніе о своей дождливой родинѣ. Онъ стоялъ такъ нѣкоторое время неподвижно, и застывшая улыбка почти угасла на его губахъ.

Герцогъ былъ на балу у французскаго посланника.

Маленькіе негрита, прислуживавшіе, обыкновенно, герцогу за столомъ, скучали въ полутемной столовой, скудно освѣщенной одной лишь зажженной свѣчей въ огромной люстрѣ, висѣвшей надъ столомъ. Имъ было велѣно дожидаться герцога, на тотъ случай, если его свѣтлость, вернувшись, пожелаетъ закусить передъ сномъ.

Чтобы развлечься, они рѣшили пробраться въ тронную залу и охотиться за крысами, которыхъ ночью тамъ было множество. Тотчасъ одинъ изъ нихъ сбѣгалъ за желтымъ фонарикомъ, съ которымъ поваръ всегда ходилъ въ кладовую, и всѣ они отправились въ путь.

Въ тронной залѣ было просторно и пустынно; дождь тихо барабанилъ по окнамъ. Большія крысы съ легкимъ шорохомъ шмыгали по полу, по огромному лакированному столу, блестящему среди залы, какъ черное озеро, и по бархатнымъ кресламъ совѣтниковъ. Негритята поставили фонарикъ на столъ и принялись ловить крысъ. Имъ было жутко и весело. Крысы пищали, ускользая отъ ихъ рукъ, а негрита взыгивали отъ удовольствія, когда имъ удавалось схватить холодный и быстрый крысиный хвостъ. Они старались какъ можно меньше шумѣть, чтобы не привлечь чьего-либо вниманія. Но дворецкій все-таки услышалъ ихъ возню, онъ распахнулъ дверь и появился въ ней, громадный и грозный. Увидѣвъ негритятъ, онъ страшно разсердился, схватилъ герцогскій жезлъ, стоявшій у трона, и принялся колотить имъ направо и налево. Негритята разбѣжались съ криками.

Было уже далеко за полночь. Дождь прекратился и луна проглядывала сквозь разорванные тучи.

Графъ Хольвейгъ, дожидавшійся герцога, чтобы доложить ему о здоровьѣ принцессы, заснулъ, утомленный на низкой софѣ въ кабинетѣ. Луна освѣщала блѣдно его свѣтлую голову и его тонкую руку, свѣсившуюся на коверъ.

Негрита, свернувшіеся какъ звѣрьки, спали на полу въ столовой.

* * *

На слѣдующее утро принцесса проснулась необычайно веселой. Звонкимъ голосомъ и хлопая въ ладоши она созвала своихъ прислужницъ и пожелала, чтобы ее немедленно одѣли въ ея любимое платье, малиново-алаго цвѣта.

Пройдя въ уборную, которая находилась въ круглой башнѣ, принцесса велѣла поднять всѣ шторы.

Солнце, хлынувъ потоками въ пять высокихъ оконъ подъ круглыми арками, освѣтило яркія индійскія драпировки, которыми были обиты стѣны. Шелковые попугаи, казалось, затрепетали крыльями, запутавшись между чудовищныхъ растений. Чьи то тонкія смуглыя руки съ изогнутыми кончиками пальцевъ, выступая изъ сверхъестественной зелени, граціознымъ манернымъ жестомъ предлагали букетики блѣдно-алыхъ цвѣтковъ, и тамъ, за листвою драпировокъ, чудилась скрытой чья то улыбка, нѣжная и недоувѣрчивая. Дѣшныи горячій воздухъ былъ пропитанъ всевозможными духами и благовоніями; замѣтный запахъ затхлости примѣшивался къ нимъ: принцесса никогда не позволяла открывать здѣсь окна.

Сидя передъ туалетомъ, пока куаферъ заплеталъ ея прекрасные черные волосы,

«...Графъ Хольвейгъ пріоткрылъ окно...»

ловкою къ трону, причемъ безутѣшныя слезы все еще струилися по ея прекрасному лицу.

Негрита, пажи и прислужницы принцессы собрались у дверей, не смѣя войти въ тронную залу. Молодой человѣкъ въ сѣромъ легкомъ, какъ тѣнь, прошелъ черезъ ихъ пеструю и пышную толпу и, спокойно войдя въ залъ, поклонился герцогу и совѣту, съ застывшею улыбкою на нѣжныхъ губахъ. Въ рукѣ онъ попрежнему держалъ маленькое опахало.

— Графъ Хольвейгъ!—сказалъ герцогъ, обращаясь къ нему,—принцесса разстроена и опечалена; будьте любезны, проводите принцессу въ ея покои.

Молодой человѣкъ поклонился и подаль руку принцессѣ. Та сейчасъ же вста-

«...Дворецкій распахнулъ дверь и появился въ ней, громадный и грозный...»

ла и вытерла слезы кружевнымъ платочкомъ, бывшимъ у нея за поясомъ. Свита принцессы окружила ее, и шесть карли-

Тогда дворецкій поставилъ на мѣсто герцогскій жезлъ и, вздыхая, принялся подымать опрокинутые стулья.

принцесса шутила со своими прислужницами. Ея шутки были не сложны и странны, но яркій румянецъ, жемчѣй-

ея щеки, и ея блестящіе глаза придавали этимъ шуткамъ очарованіе горячечной веселости. Пестрый безпорядокъ разбросанныхъ по диванчикамъ и стульямъ одеждъ и шалей, сдвинутая мебель, солнце, птичій щебетъ прислужницъ, карликовъ и пажей наполняли комнату фантастической суматохой. Голубыя облака безмятежно проплывали въ высокихъ зеркалахъ. Принцесса смѣялась, откинувъ голову на спинку золоченнаго кресла; голубоватые отблески облаковъ скользили по ея пылающему лицу.

— Тамъ осыпаются бѣлыя розы,— сказала она, указывая въ зеркало.

— Смотрите, какъ медленно летятъ ихъ лепестки...

Два пажра раскрашивали другъ друга лица румянами, которые они стащили у куафера; прислужница устраивала негрятенку фантастическую прическу, втыкая безчисленныя шпильки въ его приподнятые курчавые волосы.

Наконецъ, принцесса была одѣта. Малиновую юбку изъ тяжелаго атласа прикрывалъ подобранный пышно тюникъ, по алому полю котораго были вышиты букеты лиловыхъ и розовыхъ цвѣтовъ, малиновый корсажъ былъ затканъ алыми и розовыми розами; сквозь прорѣзы рукавовъ были выпущены розовые буффы. Накинувъ на плечи прозрачный розовый шарфъ, она сѣла на кресло посреди комнаты и сказала:

— Я нигуда не хочу уходить отсюда. Попросите графа Хольвейга придти ко мнѣ.

Хольвейгъ вошелъ неслышными шагами. Онъ поцѣловалъ руку принцессы и спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ.

— А хъ, мнѣ сегодня такъ весело! — воскликнула

— Выпейте,—сказалъ онъ, поднеся принцессѣ стаканъ.

Она выпила все, держа его за руку. О стекла оконъ бились золотые шмели. Лиловыя гводики, увянувъ, склоняли головки на розовый мраморъ туалетнаго стола.

Принцесса сидѣла затихшая, румянецъ медленно растаивалъ на ея щекахъ. И когда румянецъ сталъ совсѣмъ, стало замѣтно, какія фіолетовыя тѣни окружаютъ ея усталые глаза, гдѣ погасъ лихорадочный блескъ.

— Мнѣ хочется плакать,—сказала она, и мимолетная судорога искривила ея губы. Хольвейгъ тихо погладилъ ея горячую руку.

молвная. Когда Хольвейгъ кончилъ играть, она взяла его флейту и задумчиво погладила ее пальцами.

— Ваша родина далеко, графъ Хольвейгъ?—спросила она.

— Очень далеко.

— Но вѣдь вы не скучаете здѣсь?

— Нѣтъ, принцесса.

Принцесса взглянула въ его сѣрые прозрачные глаза: тамъ было такъ спокойно, безсолнечно-свѣтло. Ни одного чувства ни одной мысли нельзя было разгадать подъ ихъ безмятежною ясностью. Но принцесса никогда и не пыталась угадать въ нихъ что-нибудь.

— Какіе у васъ хорошие глаза,

за, Хольвейгъ,—сказала она. — У меня была птица съ такими глазами.

Она сидѣла вонъ въ той клѣткѣ у окна. Я плакала, когда она улетѣла.

Тутъ старая воспитательница принцессы расхохоталась: это правда, что у графа Хольвейга было такъ же мало человѣческаго выраженія въ глазахъ, какъ и у той птицы. Принцесса недовольно нахмурила брови.

— Я теперь пойду отдыхать,—сказала она.

Ея темныя вѣки закрылись сами.

* * *

Около полудня пушечные выстрѣлы возвѣстили о пріѣздѣ персидскаго принца. Принцесса со своею свитой поднялась на башню, и вышла на балконъ, украшенный коврами и легкими шелковыми матеріями, откуда было видно море и портъ.

Сквозь большіе ярко-зеленые листья пальмовыхъ и укусныхъ деревьевъ, росшихъ въ саду, она видѣла, какъ по спокойному сапфировому морю медленно приближались три большихъ корабля. На переднемъ были ало-розовые паруса, расшитые черными и желтыми изображеніями львовъ и солнца съ лучами; на носу корабля былъ золоченый драконъ, а на кормѣ сплетались хвостами два черныхъ съ позолотой дельфина. Два заднихъ корабля были съ оранжевыми парусами, и ихъ черные лакированные борта блестяли, отражаясь въ гладкой водѣ.

Герцогъ со свитой и съ приближенными ожидалъ принца на берегу. Члены совѣта въ пышныхъ одеждахъ, представители города, войска, оркестръ, сіявшій мѣдными трубами—все это было расположено въ заранѣе обдуманномъ по-

принцесса.

— Я очень радъ,—отвѣтилъ Хольвейгъ и посмотрѣлъ внимательно въ ея лихорадочно блестящіе глаза. Онъ держалъ ея горячую руку, о чемъ то раздумывая.

— Здѣсь слишкомъ душно,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ! — воскликнула принцесса упрямо. — Мнѣ здѣсь хорошо. Графъ Хольвейгъ, сыграйте мнѣ на флейтѣ, но только что-нибудь веселое!

Графъ Хольвейгъ вынулъ изъ кармана нѣсколько маленькихъ граненыхъ флаконовъ и приготовилъ питье, капая изъ нихъ въ стаканъ съ подслащенной водой.

ной. Ясные, легкіе, они поднимались вверхъ, какъ синеватый дымъ еиміама поднимается въ неподвижномъ воздухѣ. Ни веселія, ни грусти не было въ этихъ звукахъ, они говорили сердцу на какомъ то чужомъ языкѣ. Веселыя прислужницы и пажи продолжали смѣяться и шушукаться въ глубинѣ комнаты, но принцесса сидѣла неподвижная и без-

...Графъ Хольвейгъ вынулъ изъ-подъ своего камзола небольшую черную флейту и сѣлъ на табуретъ посреди комнаты...

ряды на ослынительно-бѣлыхъ плитахъ набережной. Позади нихъ волновалась нетерпѣливая, нестройная, шумная толпа горожанъ. Разноцвѣтные шали и ленты, широкополыя шляпы, зонтики, вѣера трепетали, сверкали подъ пламеннымъ солнцемъ.

Когда принцъ, болѣе яркій, чѣмъ солнце, въ своихъ парчевыхъ одеждахъ, ступилъ на берегъ—неистовый громъ оркестра, пушечныхъ залповъ, восторженныхъ кликовъ толпы привѣтствовалъ его долгожданное прибытіе. Особенно сильное впечатлѣніе производили пушки; онъ былъ оглушительны и ихъ черныи дымъ окуталъ всю набережную. Но принцъ оставался совершенно спокоенъ и только изрѣдка подносилъ свою руку къ лѣвому виску, такъ какъ, дѣйствительно, шумъ былъ ужасенъ.

— Это восхитительно,— сказала принцесса, которой зрѣлище доставило много удовольствія. — Но гдѣ же графъ Хольвейгъ?

— Онъ спитъ у себя,— отвѣтили ей.

— Спитъ?! — воскликнула принцесса изумленно.—Подъ этотъ шумъ?

— Но въ такомъ случаѣ не будите его—прибавила она.

* * *

Принцесса встрѣтила гостей на первой площадкѣ широкой мраморной лѣстницы, ведущей въ верхніе покои дворца, и звонкимъ голосамъ сказала нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Золоченыя арки скрещивались надъ ея головой, а блестящій шелкъ ея шлейфа раскинулся пышно по полированнымъ ступенямъ. Ея торжественная и гордая красота произвела сильное впечатлѣніе на принца. Герцогъ подаль руку своей дочери, карлики приподняли складки ея шлейфа, загремѣли фанфары, и всѣ направились въ залу, гдѣ были приготовлены пиршественные столы.

Принцъ былъ очень любезенъ и, не выказывая никакихъ предразсудковъ, ѣлъ всѣ блюда, которыя подносили ему.— У него болѣла голова, и его блѣдное лицо, обрамленное черной бородой, походило на луну въ облакахъ.

Столъ былъ обставленъ очень заботливо. Тутъ была дичь, оправленная въ перья, на широкихъ блюдахъ, разрисованныхъ лиловыми цвѣтами и зелеными листьями. Фазаны перья, воткнутыя въ груды овощей, переливались всѣми цвѣтами радуги въ смѣшанномъ свѣтѣ люстръ и послѣполуденнаго яркаго солн-

ца. Рыба, блистая скользкою чешуею ледяного цвѣта, трепеща красными плавниками, казалось, плыла въ заливахъ прозрачнаго студня. Вина и сладости самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ плѣняли упоенные взоры. Прохладные плоды въ хрустальныхъ вазахъ изливали надъ всемъ сладчайшее благоуханіе.

Но главнымъ угощеніемъ, которымъ герцогъ хотѣлъ поразить своего гостя, была музыка; къ ней именно, по собраннымъ герцогомъ свѣдѣніямъ, тотъ былъ особенно чувствителенъ. Поэтому все

— Графъ Хольвейгъ!—обратился онъ къ Хольвейгу.—Не сыграете ли вы намъ на флейтѣ? Мы васъ очень просимъ объ этомъ.

Хольвейгъ, улыбнувшись, поклонился ему и принцу и вынулъ свою флейту. Помедливъ минуту, онъ ее приложилъ къ губамъ.

— Замолчите вы!—заревѣлъ герцогъ, привставъ и махая руками оркестру, трубы котораго начали новую арію, заглушая первые звуки флейты. Оркестръ оборвался на испуганномъ воплѣ, и въ наступившемъ затишѣ сталъ слышенъ спокойный и нѣжный голосъ флейты.

Весь обратился во вниманіе, герцогъ обернулся къ принцу и вопрошающе смотрѣлъ на него, склонивъ свою голову на бокъ.

Но принцъ больше не замѣчалъ его.

Онъ слушалъ неподвижный, почти бездыханный. Его дикіе черные глаза были широко открыты, и только теперь стало видно, какъ они были огромны и великолѣпны. Стрѣлы чатыя рѣсницы, какъ лучи, раскинулись вокругъ нихъ, и они сіяли, какъ звѣзды, на поблѣднѣвшемъ янтарномъ лицѣ. Сросшіяся длинныя брови, подобныя двумъ соединеннымъ дугамъ, приподнялись слегка, и малиновыя губы приоткрылись подъ черными усами, затанъ свое пламенное дыханіе. Казалось, душа его замерла на порогѣ иного міра, созерцая развѣрзающіеся небеса.

Какія умопомрачительныя и безумныя видѣнія прозрѣлъ онъ за тишиной этихъ свѣтлыхъ звуковъ, поднимающихся какъ колыба голубоватаго дыма къ вечернему ясному небу? Въ непонятныя и странныя слова слагались легкіе звуки, но въ нихъ было волшебство приоткрывать завѣсы надъ всѣми тайнами духа. И персидскій принцъ почувствовалъ божественность и безмѣрность своей дикой и смутной души.

Онъ сидѣлъ неподвижно. Золототканый тюбанъ, вѣнчавшій его, блестѣлъ какъ сверхъестественный ореолъ. Его тонкая рука была прижата къ груди; длинныя пальцы со слегка изогнутыми наружу концами, съ подкрашенными шафраномъ полированными ногтями, украшенные тяжелыми разноцвѣтно-сверкающими кольцами, казались почти прозрачными на пестромъ шелкѣ одежды.

«...Принцъ, взволнованный еще болѣе герцога, очень мало вслушивался въ его безсвязныя объясненія»...

время, пока продолжался обѣдъ, заглушая звоны тарелокъ, бокаловъ и ножей, гремѣли, стонали, рыдали и задыхались въ ликованіи сотни двѣ сверкающихъ инструментовъ герцогскаго оркестра.

Подавляя свое волненіе и восхищеніе, герцогъ то и дѣло обращался къ принцу: —Какъ вы находите эту музыку, ваше высочество?

— Изумительно! — отвѣчалъ принцъ каждый разъ, съ неизмѣнною обаятельною улыбкой.

— У меня есть еще одинъ музыкантъ, — сказалъ герцогъ.—Я не знаю, какъ вы найдете, ваше высочество... Онъ оригиналенъ—это безусловно.

— Еще! — говорилъ онъ умоляюще, когда флейта замолкла.

Герцогъ былъ пораженъ: у принца была, дѣйствительно, музыкальная натура.

Въ залѣ постепенно воцарилась глубокая тишина. Только беспорядокъ стола, смѣшанные ароматы цвѣтовъ, благовоній и винъ еще издавали какъ будто бы смутный и нестройный шумъ. Но, не замѣчая его, пѣла флейта о чемъ то своемъ. Наконецъ, она замолчала.

— Я усталъ, — сказалъ Хольвейгъ. Его рѣсницы опустились, свѣтлое лицо стало совсѣмъ блѣднымъ.

Гости встали изъ-за столовъ, оркестръ заигралъ оглушительный маршъ. Разсѣянно слушая неопределенныхъ обращенныхъ къ нему любезностей, принцъ прошелъ вмѣстѣ съ герцогомъ на балконъ.

Полная луна встала за пальмами, и широкія тѣни листьевъ ложились ярко на герцога и на принца. Принцъ сжималъ и разжималъ свои тонкіе сильные пальцы, захвативъ ими конецъ шелкового шарфа, опоясывавшаго его станъ, и внезапно съ трескомъ разорвалъ его пополамъ.

— Герцогъ! — воскликнулъ онъ.

— Подарите мнѣ вашего музыканта!

— Ваше высочество! — возразилъ герцогъ, взволнованный и удрученный. — Я готовъ вамъ подарить самого себя и все, что вамъ будетъ угодно, ваше высочество, но я не могу исполнить вашей просьбы. Графъ Хольвейгъ — свободный человѣкъ и онъ — мой гость. Онъ сынъ моего лучшаго друга, владѣтельнаго графа, тамъ, далеко, на сѣверѣ... словомъ, вы не знаете этой страны... Тутъ были несчастныя обстоятельства... Его отецъ былъ недалековиденъ, онъ не принялъ во вниманіе моихъ совѣтовъ... хотя, вообще, это былъ мудрейшій человѣкъ и я ему многимъ обязанъ... Но онъ лишился всего и даже умеръ. Это ужасно и непоправимо... Вы, надѣюсь, понимаете меня, ваше высочество, и понимаете, что я безсиленъ исполнить ваше желаніе.

Принцъ, взволнованный еще болѣе герцога, очень мало вслушивался въ эти безсвязныя объясненія.

— Ваша свѣтлость! — воскликнулъ онъ великодушно. — Я понялъ все, что вы говорили. Графъ Хольвейгъ — вашъ гость, но вы позволите мнѣ уговорить его уѣхать со мною? Если онъ согласится, — вы не будете противиться его отъѣзду?

— Ваше высочество, право, ваши слова приводятъ меня въ замѣшательство, — отвѣтилъ герцогъ смущенно. — Притомъ же это вино... Признаться, мы слишкомъ привыкли къ графу Хольвейгу, и я, и моя дочь... Не угодно ли шербета, ваше высочество?

Принцъ отвѣчалъ нетерпѣливымъ жестомъ.

— Тутъ есть одно обстоятельство, ваше высочество... Я не знаю, какъ вамъ его выразить... Чрезвычайно важное обстоятельство...

образомъ, съ медицинской точки зрѣнія. Вы здоровый человѣкъ, ваше высочество, вамъ больше подойдутъ литавры и трубы...

Принцъ сердито передернулъ плечами.

— Вы насмѣхаетесь надо мной, ваша свѣтлость! Я васъ прошу только объ одномъ: отпустите со мною вашего флейтиста. И я обещаю вамъ все, что вы пожелаете; я буду поддерживать всѣ ваши планы, каковы бы они ни были, какъ свои собственные. И ваши враги будутъ моими врагами.

Что же касается вашей дочери, то я ей пришлю своего собственнаго врача, который обладаетъ настолько чудесными познаніями въ медицинѣ, что врядъ ли найдется подобный ему во всемъ мірѣ.

Я пришлю вамъ его вмѣстѣ съ моими музыкантами, которые, навѣрное, сумѣютъ услыхать свѣтлѣйшей принцессы не хуже графа Хольвейга.

Герцогъ печально покачалъ головой.

— У принцессы бываютъ свои причуды, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, если она согласится, я не буду настаивать

на чемъ. Но у нея очень странный характеръ. Очень странный.

Герцогъ колебался: ему было очень тревожно за дочь, но принцъ утешалъ его своимъ характеромъ. Его огромный тюрбанъ съ блестящими камнями и брови, такія длинныя и черныя, какихъ герцогъ еще не видѣлъ никогда, рѣшили дѣло.

— Пойдемте къ принцессѣ, — сказалъ герцогъ: вы сами поговорите съ нею.

Принцесса выслушала ихъ очень разсѣянно и любезно. Странная забывчивая улыбка сколизила по ея лицу.

— Что можетъ быть прекраснѣе музыки графа Хольвейга? — сказала она. — Я очень рада, что вашему высочеству понравилась его игра.

И она величественно протянула принцу свою блѣдную горячую руку.

— Дитя мое, — проговорилъ герцогъ, — вы можетъ быть не поняли: принцъ очень проситъ васъ отпустить съ нимъ графа Хольвейга.

«...—Я совершу подвиги и великія дѣла, если графъ Хольвейгъ будетъ мнѣ играть на своей флейтѣ. Я завоюю царства и покорю всю Азію; я дойду до самой Индіи, потому что это объ ней говорила мнѣ флейта...»

Нахмуренныя брови принца окончательно смутили бѣднаго герцога; онъ видѣлъ всѣ бѣдствія будущей войны въ его гнѣвномъ сверкающемъ взглядѣ.

«Чортъ бы побралъ эти восточныя понятія о гостепріимствѣ, они заводятъ слишкомъ далеко», подумалъ онъ въ отчаяніи.

— Повторяю: я готовъ на все для вашего высочества... Но тутъ дѣло въ моей дочери, въ моей единственной обожжаемой дочери... Она, видите ли, не совсѣмъ здорова... Такъ, сущіе пустяки, конечно... Капризы всякіе и тому подобное... Но иногда это ужасно!.. Графъ Хольвейгъ, онъ изучалъ медицину у себя на родинѣ и онъ умѣетъ лечить ее; и его флейта удивительно успокаиваетъ ее. Это прямо, такъ сказать, чарующее, волшебное вліяніе... Можетъ быть вамъ пригодится мой оркестръ, ваше высочество? Тамъ есть замѣчательные музыканты. Флейта — это, конечно, оригинально, но я смотрю на нее, главнымъ

— Это невозможно, — сказала принцесса, покачивая головой и улыбаясь все так же. — Я не могу отпустить его.

Принц сжал свои пальцы так, что они захрустели, а кольца, стукнувшись друг о друга, издали жалобный звон.

— Ваша свѣтлость! — воскликнул онъ. — Умоляю васъ, выслушайте меня! Эта музыка не можетъ быть для васъ тѣмъ, чѣмъ для меня. Она для меня дороже жизни, потому что я не чувствовалъ своей жизни, пока не услышалъ этой музыки. Я, можетъ быть, совершу подвиги и великія дѣла, если графъ Хольвейгъ будетъ мнѣ играть на своей флейтѣ. Я, можетъ быть, завоюю царства и покорю всю Азію: я дойду до самой Индіи, потому что это вѣрно объ ней говорила мнѣ флейта. Я буду драться, какъ левъ, и проливать кровь безъ трепета, потому что во мнѣ умеръ страхъ, и во мнѣ возстали вдругъ всѣ надежды! Принцесса, я умоляю васъ, отпустите его со мной! Я могъ бы взять его силой, но онъ мнѣ не станетъ играть, если вы сами не отпустите его. Сдѣлайте меня счастливымъ, принцесса, и я вашъ рабъ до конца моей жизни. Просите, требуйте отъ меня всего, чего вамъ угодно, возьмите даже половину моего царства, когда оно перейдетъ ко мнѣ отъ отца. Но только отпустите его со мной!

Эта взволнованная страстная рѣчь произвела на принцессу тяжелое впечатлѣніе. На щекахъ ея выступили пятна румянца и она вперила въ принца потемнѣвшіе, испуганные глаза.

— О чемъ вы говорите? — воскликнула она, вытягивая передъ собою руки. — Ради Бога, молчите: это такъ страшно! Зачѣмъ мнѣ царство? И какую кровь вы хотите пролить?

И роняя съ плечъ розовое облако широкаго шарфа, она порывисто встала, собираясь уйти.

— Сядьте, сядьте, принцесса! — умолялъ ее растерявшійся герцогъ, сжимая ей руки. — Вы не поняли, подождите минутку!

Предчувствуя бѣду, онъ ломалъ себѣ голову, ища какого-нибудь спасительнаго выхода. Внезапно счастливая мысль осѣнила его.

— Ваше высочество! — обернулся онъ къ принцу. — Я видѣлъ, слуги принесли съ корабля въ вашу спальню клѣтку съ какою-то птичкой. Если эта птичка поетъ... Принцесса такъ любитъ птицъ... Гораздо больше, чѣмъ царства. Она, можетъ быть, согласится, если ей понравится ваша птичка. Тутъ дѣло въ капризѣ, а она любить все новое, совсѣмъ какъ ребенокъ!

Онъ взялъ у пробѣгавшаго мимо негртенка хрустальную вазочку съ вареньемъ и принялся съ ложки кормить имъ принцессу.

— Птичка въ клѣткѣ? — сказалъ принцъ. — Да вы правы: это замѣчатель-

ная птичка, и она необыкновенно поетъ. Я никогда не расстаюсь съ ней, вотъ

«...—Пой, милая птичка!—воскликнул принцъ, поворачивая птицу къ свѣту...»

уже три года. Но я съ удовольствіемъ подарю ее принцессѣ, если она понравится ей. Также и мою красивую черепаху, которую я тоже всюду вожу съ собой.

— Ну, черепаха — это уже совсѣмъ лишнее, — отвѣтилъ герцогъ. — А вотъ птичка... У меня есть на нее надежды.

Надежды герцога не оказались нелѣпыми. Когда принесли птичку въ тоненькой золотой клѣткѣ, украшенной наверху полумѣсяцемъ, принцесса посмотрѣла на нее съ любопытствомъ, и сказала нѣжно: — Какая она голубая! Она похожа на мою бѣдную погибшую канареечку.

Птичка таращила спросонья свои круглые прозрачные глаза и хохлилась.

— Пой, милая птичка! — воскликнулъ принцъ, поворачивая ее къ свѣту.

Онъ наклонялся надъ ней, ослѣпляя всѣхъ своими расшитыми золотомъ оде-

«...Хольвейгъ дремалъ, когда принцъ спалъ рядомъ съ нимъ...»

ждами, и, щелкая пальцами, умоляюще говорилъ:

— Пой, милая птичка! Пой!

И птичка запѣла. Звонкая чистая трель пронеслась по шумной залѣ. Закрывъ голову, выгибая дрожащую шейку, птица пѣла свободно и весело, какъ въ зеленомъ полѣ. Иногда она приостанавливалась, какъ будто слушая шумъ вѣтра и шуршанье вѣтвей, потомъ пѣла снова и снова.

Принцесса слушала ее, закрывъ глаза.

— Какъ хорошо! — проговорила она, наконецъ, съ восторгомъ.

— Вы дарите мнѣ ее, ваше высочество? Въ самомъ дѣлѣ?

Она залопала въ ладоши отъ радости.

— Въ такомъ случаѣ, берите съ собою графа Хольвейга. Эта птичка поетъ лучше, чѣмъ его флейта.

И она велѣла сейчасъ же нести птичку въ свои комнаты, и сама удалась за нею.

Тогда принцъ отправился къ Хольвейгу, сидѣвшему одиноко на маленькомъ диванчикѣ между оконъ. Онъ дремалъ, когда принцъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Графъ Хольвейгъ! — сказалъ ему принцъ. — Ваша музыка переродила меня. Она божественна, какъ музыка Израэля; я ничего подобнаго не ожидалъ услышать на землѣ. Высшія силы вдохновляютъ васъ, и внушаютъ вамъ эти звуки. Клянусь, никто не пойметъ васъ, какъ я, и не полюбитъ васъ такую безумной любовью!

Ваша флейта — душа моей жизни, ваша музыка — мое дыханіе! Если вы не захотите быть со мной — я умру. На что мнѣ та жалкая жизнь, которую я жилъ до сихъ поръ, теперь, когда вы мнѣ открыли нишу? Я умру, если вы не исполните велѣнія Неба: быть вмѣстѣ со мною. Потому что Небо послало васъ въ міръ затѣмъ, чтобы встрѣтить меня и меня вдохновлять. Я могу быть великимъ человѣкомъ и совершить подвиги, если вы будете со мною, Хольвейгъ!

Хольвейгъ посмотрѣлъ въ его черные блестящіе глаза, дикіе, какъ у лани, и наивные, какъ у ребенка.

— Какъ же это возможно, принцъ? — сказалъ онъ. — Я многимъ обязанъ герцогу, и общалъ ему не покидать принцессы.

— О, что тебѣ принцесса и герцогъ! Развѣ ты имъ нуженъ, какъ мнѣ? Да они сами отпустятъ тебя, я уже съ ними говорилъ объ этомъ.

— Принцесса отпускаетъ меня? — спросилъ Хольвейгъ.

— Ну да, она промѣняла тебя на маленькую птичку, которую я ей подарилъ... Развѣ она цѣнитъ тебя? Зачѣмъ ты думаешь объ ней?

— Но я ей всетаки, пожалуй, необходимъ, — проговорилъ задумчиво Хольвейгъ.

— Не думай объ ней! Вѣдь я же умру безъ тебя. Нѣтъ, ты пойдешь со мной, ты будешь моимъ другомъ и братомъ, ты раздѣлишь потомъ со мною мой тронъ, если только захочешь.

Хочешь? Я освобожу твою родину от врагов! Хочешь,—скажи.

Хольвейг улыбнулся печально.

— Моя родина далеко, сказал он,— и твои войска не дойдут до нея.

— По страна, где ты живешь сейчас, ведь тебе не родина. Зачем же ты ее не променяешь на мою? Моя страна прекрасна, ты увидишь. И ты будешь счастлив со мною, потому что я буду исполнять все твои желанья. Подем со мной, не убивай меня отказом! Я готов на колѣнях просить тебя.

Огромные глаза принца наполнились слезами, и он с мольбою прижал свои руки к груди.

— Не плачьте, принц,— сказал Хольвейг, коснувшись тихо его плеча.— Я побуду, если вы так хотите.

* * *

Принц торопился с отъездом, опасаясь, чтобы принцесса не переменяла своего рѣшенія.

Но она цѣлый день сидѣла со своею птичкою и, казалось, была совершенно счастлива, слушая ее пѣнье.

Герцогъ былъ исполненъ восторга и печали. Принцъ обѣщалъ ему больше, чѣмъ онъ ожидалъ, но съ другой стороны его омрачала смутная тревога. Къ тому же онъ слишкомъ много пилъ и совсѣмъ не могъ разбираться въ своихъ чувствахъ.

Къ вечеру корабли уже были готовы къ отплытію. Легкій попутный вѣтеръ надувалъ ихъ шелковые паруса и покачивалъ ихъ на розоватыхъ волнахъ.

Графъ Хольвейгъ стоялъ на кормѣ рядомъ съ принцемъ. На плечи его былъ накинутъ широкій плащъ, расшитый цвѣтами и звѣздами.

Снова гремѣла музыка, и палили пушки, и толпа ликовала на пристани. Въ городѣ готовили великолѣпное ночное празднество, иллюминацію и фейерверки, которыми принцъ будетъ любоваться издали, съ моря.

Принцесса простилась съ Хольвейгомъ разсѣянно и ласково.

— Счастливаго пути!—сказала она ему когда онъ цѣловалъ ее руку, и она сама поцѣловала его въ свѣтлый лобъ.

— Ведь вы навѣстите насъ какъ-нибудь потомъ?

Она думала о чемъ то другомъ, и ее прекрасные глаза смотрѣли, какъ во снѣ сквозь длинныя рѣшоты.

Герцогъ былъ очень доволенъ ея спокойствіемъ.

Цѣлый день все ее мысли поглощены были птичкою; но

къ вечеру птичка замолкла. Напрасно повторяла ей принцесса, умоляюще и нѣжно:

— Пой, милая пташка, пой!

Напѣвая за день птичка закрывала глаза и молчала.

— Глупая птица!—сказала, наконецъ, принцесса, и двѣ крупныя слезы медленно скатились по ее щекамъ.

Во дворцѣ было пустынно и тихо: все ушли провожать принца и смотрѣть на иллюминацію. Даже негрятя убѣжали на пристань и въ наступающую сумеркахъ пускали тамъ шутихи подѣ ноги разряженныхъ дамъ.

Принцесса спустилась въ садъ. Пальмовыя листья сухо шуршали вверху. Тяжелыя розы осыпались, благоухая. Тоска все сильнѣе охватывала принцессу, и ей становилось трудно дышать.

Вдругъ тихіе, далекіе звуки донесли до нея въ минутномъ затишьи. Принцесса узнала флейту Хольвейга. Она припомнила все.

— Ахъ, глупая птица! Противная птица!—воскликнула она и слезы снова потекли по ее щекамъ.

Придерживая обѣими руками пышный свой шлейфъ, она стала спускаться къ морю узкой скалистой тропинкой. Колѣчя, гибкія вѣтви дикаго барбариса цѣплялись за ее газовый шарфъ и царапали ей лицо.

Выйдя на берегъ, она увидѣла, какъ выплыли изъ-за мыса три корабля, уходившіе въ море. Оранжевые и розовые паруса сіяли въ послѣднихъ лучахъ заката. Когда стихалъ уносившій ихъ вѣтеръ, была слышна тихая музыка флейты.

— Хольвейгъ!—воскликнула принцесса, протягивая руки.

— Вернитесь, вернитесь, Хольвейгъ!

Розовыя отъ заката волны лизали ее парчевыя туфли и смачивали подолъ ее платья, отчего цвѣты его становились еще ярче. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Тяжелый атласъ, расшитый жемчугами и золотомъ, затруднялъ ее движенія. Но она шла все впередъ и впередъ, протягивая руки и восклицая:—Хольвейгъ! Хольвейгъ!

Юбки, окружившія ее какъ лепестки чудовищаго цвѣтка, поддерживали ее нѣко-

торое время надъ водой, и она медленно покачивалась на волнахъ, уносившихъ ее вдаль. Потомъ море сомкнулось надъ ее головою.

Флейты не стало болѣе слышно, и корабли уже были чуть видны.

Магдалина
Вериго.

ВЪ НЕБО!..

(Гибель Трапезунда).

Отъ корреспондента „Огонька“.

Вторую недѣлю я трясся въ отвратительномъ, «жесткомъ» вагонѣ. Окна были выбиты: мягкій вѣтеръ, дувшій по вагону и полный прелестной свѣжести и запаха южныхъ луговинъ, только и успокаивалъ.

По лугамъ бродили голотѣлые и обтерханные, какъ кожаные чомоланы, буйволы, и мычали, глядя тупо на еле ползущій поѣздъ... Цвѣли анемоны, толстые горные маки. Сапфиръ кавказскаго неба струилъ густую голубизну...

Противъ меня третьи сутки, поджавъ ноги на коврикъ, стылъ человекъ восточнаго облика. Онъ былъ молчаливъ и безучастенъ. Ни съ кѣмъ не говорилъ и только позѣвывалъ въ смуглую ладонь.

На одной изъ станцій подали намъ кофе, кукурузныя лаваши и свѣжія газеты, полныя несомнѣимъ свѣжихъ перепечатокъ о русскихъ печаляхъ и ужасахъ. Увидѣвъ надпись «въ Трапезундѣ», сосѣдъ оживился и попросилъ позволенія заглянуть въ газету.

— Да,—сказалъ онъ, прочитавъ и возвращая сѣрый листъ,—это такъ же похоже на то, что было, какъ кусокъ кумача на пожаръ Рима. Я былъ въ Трапезундѣ и...

Онъ скучно поднималъ блѣклястыя, сонныя глаза и примолвилъ:

— И случайно спасся!

Тутъ же онъ разсказалъ:

— Былъ день ранней весны. Свѣтило солнце. На улицахъ голодные курды продавали вѣтви миомы, золотой, какъ солнце... Говорили, что турки уже подѣ Трапезундомъ, что они на оминаютъ о данномъ обѣщаніи русскихъ властей покинуть городъ. Что жъ, начали дѣлать обыкновенное всероссійское дѣло—грабить склады и квартиры, цейхгаузы и интендантскіе амбары. Изъ горъ прѣхали разбойники. Стали убивать почти въ каждомъ домѣ. Мародеры дѣлили добычу у старой мечети, на плитахъ.

Въ крови!—Не страшно. Сполоснуть въ водѣ можно...

Тутъ же—всколоченные, охрипшіе люди. Торгуются до изнеможенія съ абреками, прѣхавшими съ сѣвера. Продають имъ берданки, патроны, ручныя бомбы. Абрекамъ пригодится. Для набѣговъ—бомба тоже не плоха, не хуже кинжала, изготовленнаго въ Темирѣ... Темновидный лезгинъ опускаетъ дистанціонную трубку и ломаннымъ языкомъ спрашиваетъ, какъ работать этой хитроумной штукой. У артиллерійскихъ хранилищъ мечутъ для пробы предъ покупателями-разбойниками бомбы и рвущающее пламя фантастически иллюминуетъ сосредоточенныя лица.

Тутъ школа высшаго разбоя. Тутъ видимъ мы, какъ война преобразается въ разбой, въ подорожничество...

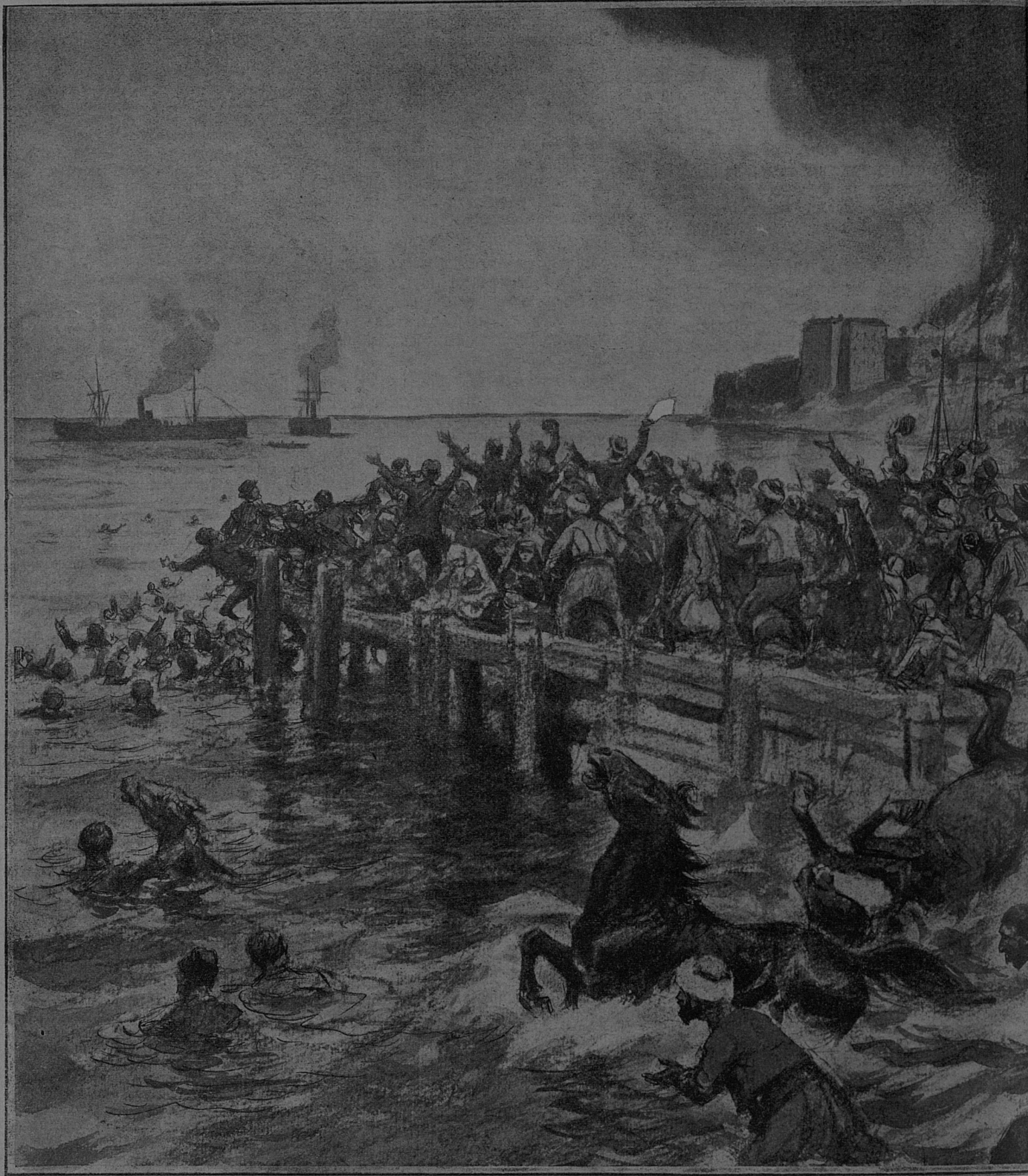
Но вскорѣ мы увидали иной оборотъ войны... Пока только таскали крупчатку, рафинадъ, желтые сапоги, шинели, пока власти перебирались, съ ремингтонами и архивами на свой транспортъ, качавшійся у берега, въ двухъ-трехъ-стахъ саженьяхъ. На грязной заплыванной пристани, гдѣ продавали окровавленные юбки и бюсгальтеры, гдѣ шелъ такой же торгъ бомбами, стояли густыя толпы и молились на транспорты, протягивали руки, кивали головами, а по запыленнымъ лицамъ стекали грязныя слезы.

Какъ въ Ноевъ ковчегъ, просились эти люди. Имъ, большинству ихъ, суждено было тутъ умереть.

Дѣти, старики-фруктовщики, торговцы восточнымъ брусскимъ шелкомъ, почтенныя старыя армянки въ двойной черно-бѣлой фатѣ и съ алмазомъ, мрачно горящимъ надъ блеклымъ лбомъ въ бархатъ низенькой шапочки...

Ковчегъ-транспортъ не могъ всехъ взять. Спасались только избранные. Персы, грузины, русскіе, солдаты; кипы сукна, моторы, клепанная бочка съ бензиномъ, косяки диковатыхъ коней—все тянулось къ транспорту, качавшемуся на водѣ, въ недоступномъ отдаленіи.

Уже приходили первые турецкіе отряды. Побѣдители шли спокойнымъ, увѣреннымъ шагомъ.

Начались пожары. Горѣли провіантскіе и фуражирскіе склады. Клоки пылающаго клевера, какъ волосы вѣдьмъ, плавали по воздуху, поджигая кровли. Упалъ блокъ на складъ снарядовъ—и грянуло. Рвануло воздухъ тысячами пудовъ динамита, словно живое тѣло, и несчастный Трапезундъ весь затрясся. Люди упали на воду, бросились вплавь къ транспортамъ. Это было дикое, потрясающее зрѣлище. Транспорты не могли вмѣстить и двадцатерыхъ, а плыли тысячи. Кони взрывали воду, фыркали и тоскливо глядѣли на транспорты,—какой разумный, понимающій взглядъ! Небо разрывалось сзади въ корчахъ. Теплые снопы зарницами свергались внизъ... Тепло обило землю, дома и казалось, что въ небѣ, какъ въ исполинскомъ каминѣ, зажжены дрова. На доскахъ, бочкахъ всѣ еще оставшіеся въ живыхъ плыли къ ковчегу, неумолимо-крохотному, толпами тонущихъ мертвецовъ.

Весь городъ въ транспорты не могъ спрятаться. Лошади, какъ люди, измученно плыли и, положивъ морды на доски, поддерживали себя на взбаламученной водѣ. Два-три транспорта изъ отдаленія пытались, было, приблизиться. Но взрывы участились. Въ небо поднимались оторванные ворота, калитки, стѣны; разбросавъ ноги, взлетали осѣдланные кони... Телѣги, какъ летающій гробъ панночки, перемахивали десятки сажень, убивая людей, приплюснутыхъ къ землѣ.

Конское мясо шлепалось среди плывущих. Многих на водѣ убило камнями, вытранными изъ мостовыхъ. На отдаленные транспорты, убивая и тамъ, падали дождевыми брызгами шленки шрапнелей. Небо почернѣло и стало дымнымъ и ночнымъ—казалось, вотъ звѣзды выступаютъ. Солнце угасло. Грохоталъ городъ нѣсколько часовъ, потомъ весь второй день, всю ночь...

Бросились къ пароходамъ, но они уже горѣли. Побѣдители забѣжали въ отроги горъ. Отгремѣли снаряды, стали ждать взрыва пироксилина. Я видѣлъ нѣсколькихъ разбойниковъ—они сидѣли, обнявшись, на известняковыхъ плитахъ кладбища и причитали бабыными голосами. Я видѣлъ людей, кинутыхъ въ воздухъ и надъ землей нашедшихъ свой смертный одръ. Они падали говядиной на пылавшую землю.

И мнѣ представилось тогда, что вижу огромный необхолимый апофеозъ войны, послѣдніе бѣглые звуки. Смерть бессмысленная, беспощадная, массовая бойня... Люди, какъ звѣри; лошади съ человѣческой смѣтливостью; плачущіе абреки; жизни, уцѣлѣвшія на магометанскомъ погостѣ и раздавленные въ салахъ. Всюду окропленные кровью углы. Земля устала принимать дары войны. Умирали въ воздухѣ, порываясь въ небо. Улетали души. За ними тѣла. Все—въ небо!.. Въ небо...

Говорившій такъ же скудно умолкъ, какъ и началъ. Опустилъ глаза. Да, онъ видѣлъ... Послѣ пира допиваютъ вино. Послѣ войны—добиваютъ людей, дострѣливаютъ снаряды. А небо? Оно все еще молчитъ...

Л. П.

Ludibria ventis.

(Изъ Henri Charles Read).

Какъ часто трепеть крыльевъ
нѣжныхъ
Летающихъ мимо голубей
Уносить мыслей рядъ мятежныхъ
Съ собою изъ души моей.

Стиховъ едва начатыхъ много
Рядъ курпатокъ, въ ржи густой
Приходъ мой встрѣтивши съ
тревогой,
Умчалъ внезапно за собой!

И съ этихъ поръ всѣ мысли эти
Парятъ въ лазурной вышинѣ,
Купаясь жадно въ солнца свѣтѣ,
Воздушной вѣрная волнѣ.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ, среди
посѣвовъ,
Встрѣчая солнечные дни,
Рой птицъ, въ волнѣ живыхъ
напѣвовъ,
Сталъ щебетать стихи мои.

И. Давидовъ.

Къ перевороту въ „самодетійной“ Украинѣ.

Гетманъ Украины Павло Скоропадскій.

Бывшій свитскій генералъ Павелъ Петровичъ Скоропадскій, съ согласія нѣмцевъ, сталъ украинскимъ гетманомъ, упразднилъ раду и составилъ украинскій кабинетъ министровъ.

Крымскій ноктюрнъ.

Заворожены всѣ краски,
Краски ночи, цвѣтосны
И серебряныя ласки
Магнетической луны...

... Море тихо фосфорится,
Еле плещется волна...
Мнится мнѣ, что сплошь искрится
Моря глубина...

Такъ загадочно играетъ
Тишь безбрежныхъ водъ,—
Звѣздотканный отражаетъ
Море—небосводъ...

... А душа полна томленья
И во власти странныхъ чаръ,
Вся—одно лишь устремленье
Ввысь, гдѣ рдѣетъ звѣздный
жаръ...

М. Филоматовъ.

Ужасы современной Россіи.

Рисунокъ для „Огонька“ худ. Г. БОЧКАНОВА.

Похороны живыхъ.

Безпримѣрный случай самосуда имѣлъ мѣсто въ с. Тулунѣ, Иркутской губ.

Пелагея Аронова вмѣстѣ со своимъ любовникомъ Павломъ Орловымъ убила Ивана Аронова, мужа Пелагеи. По приговору волостного суда обоихъ преступниковъ жестоко избили, затѣмъ повели на кладбище за гробомъ Ивана. По прибытіи на кладбище несчастныхъ оглушили ударами по головамъ, столкнули въ могилу на гробъ Ивана и полуживыхъ закопали вмѣстѣ съ нимъ.

Яркое небо обманывало. Осеннее солнце сверкало, но почти не грѣло. Шумными пестрыми стаями вздымались сухіе листья изъ-подъ ногъ, безпрядочно крутились по аллеѣ и обезсиленные снова падали.

— Холодно!—Лидія прижалась къ Эорину. —Теперь, когда, наконецъ, все кончится, надѣюсь мы уѣдемъ на югъ?

— Хотѣлось бы... — неопредѣленно протянулъ онъ.

— Нѣтъ, ты общай!—съ капризной настойчивостью она заглядывала ему въ лицо зеленоватыми мѣняющимися глазами. —Вѣдь главное сдѣлано! Теперь Петру Петровичу уже подали мое письмо, и онъ знаетъ, что я ушла изъ дома навсегда ...

— Да, у тебя конечно, но моя жена....

— Напиши ей сейчасъ и переѣзжай ко мнѣ въ гостиницу. Гораздо лучше избѣжать личныхъ объясненій.

— Не могу, Лидя, пойми у насъ со всѣмъ другія отношенія. У твоего мужа главную роль играетъ самолюбіе. Тѣмъ, что ты отъ него ушла, ты нанесла ему незабываемое оскорбленіе, непоправимый ударъ, и онъ, можетъ быть, даже не захотѣлъ бы, чтобы ты къ нему вернулась. Зина, то есть Зинаида Львовна, вѣроятно давно догадывается о моемъ увлеченіи тобой, но она такъ меня любитъ, что готова на все смотрѣть сквозь пальцы, лишь бы я оставался съ ней жить подъ одной кровлей. Я знаю ее лучше самого себя и, можетъ быть, именно за это....

Густая лиловая туча доползла, наконецъ, до солнца и тяжело нагромодилась на него. Потянуло съ моря сыростью и стало еще холоднѣе.

Магистратъ г. Гельсингфорса привѣтствуетъ главнокомандующаго германскимъ „окупационнымъ“ отрядомъ гр. фонъ деръ-Гольца на площади передъ городской ратушей.

Магъ.

Судомъ жестокимъ, Торквемада,
Я на сожженіе обреченъ...
Толпа безсмысленная рада
Еретика, злодѣя, гада
Увидѣть казнь, услышать стонъ...

И въ жаждѣ зрѣлища и крови
Всѣ съ нетерпѣньемъ казни ждуть
Во имя благодати Сыновей;
Но зналъ бы ты, пріоръ Сеговы,
Какъ жалокъ мнѣ твой грозный
судъ!

Ужель мнѣ, магу, страшно пламя,
Или мучителенъ позоръ,
Когда я вижу за годами
Какъ упадетъ Гренады знамя,
Погибнетъ славный Альманзоръ...

Въ небесномъ знакѣ Зодіака
Я прочиталъ свою судьбу;
Числомъ измѣривъ тайну знака—
Я зналъ давно, что въ мѣсяцъ Рака
Позорной казнью я умру.

И проклиная свое знанье,
За тайной тайну открывалъ;
Но неизбѣжно очертанье
Небесныхъ знаковъ: Рокъ гаданье
Неотвратимо исполнялъ.

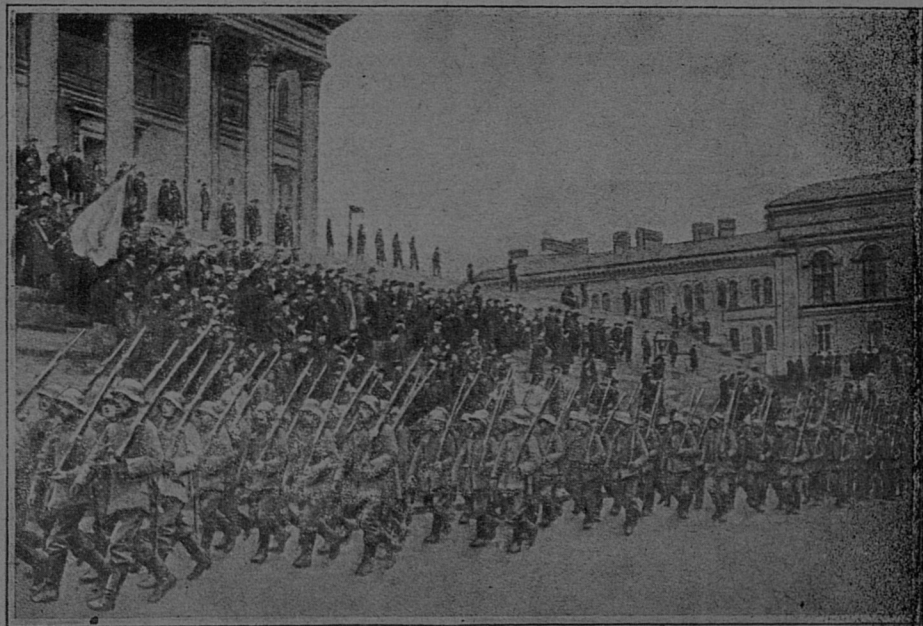
И вотъ теперь, когда на грани
Существованій двухъ стою,
О человѣческомъ незнаньи,
Объ упоительной нирванѣ
Я Рокъ безжалостный молю...

Олегъ Смирновъ.

Германскій трофей послѣдняго времени.

Русскій красный флагъ, выставленный на показъ любопытныхъ обитателей столицы Германіи въ одномъ изъ выставочныхъ зданій Берлина.

Вступленіе германскихъ войскъ въ Гельсингфорсъ. Населеніе привѣтствуетъ проходящія колонны германскихъ отрядовъ.

Тяготѣніе ко всему германскому и затаенныя симпатіи финляндскаго населенія, въ особенности „шведствующихъ“ финновъ, особенно сильно выявились въ дни вступленія германскихъ отрядовъ въ столицу Финляндіи...

— Что же ты не договариваешь? — Лидия выдернула руку из руки своего возлюбленного. — Ты знаешь, я этого не люблю.

— Может быть именно за это я ее разлюбил. Когда с первых же слов книги знаешь, что в ней произойдет, пропадает интерес ее читать. Но мы прожили с нею семь лет, и я чувствую себя обязанным объясниться с нею, проститься... Разводь она меня, конечно, даст, будет все, как я хочу, у нея быть своей воли... Помнишь ее обожавшие покорные глаза?

Лидия передернула плечами и пошла вперед одна так скоро, что Зорин не сразу ее догнал.

— Разсердилась, Лидушка? Не надо.... Сегодня такой трудный день!

— Сам создаешь себе трудности... Вообще, если твоя жена такая покорная и прелестная, отчего ты ее разлюбил?

— Похвали! Разве знаешь, за что разлюбил или за что полюбил?

— Ну а прежде вы никогда не говорили с ней о возможности развода, развода?

— Говорили. И тогда же я клятвенно обещал, что если я рѣшу с ней разойтись, я ей откровенно скажу. Хорошо помню разговор... Это было года через два послѣ свадьбы. Мы сидели вечеромъ передъ каминомъ, и Зина, всегда такая блѣдная, казалась красной отъ его отблесковъ. Упала къ моимъ ногамъ, цѣловала мои руки, твердила въ изступленіи: «Уйду съ твоей дороги, дамъ тебѣ свободу, только скажи мнѣ правду, не обманывай, обѣщай, что не уйдешь тайкомъ.» Помню, что мнѣ жутко стало въ то мгновеніе, но все таки я не сталъ ее увѣрять, что этого никогда не случится, видно въ самомъ не было этой увѣренности. Молчалъ, даже не поднялъ ее, созна-

валъ впрочемъ свою жестокость. Тогда тоже думалъ, что я скорѣе позволю

себѣ любить, чѣмъ полюблю самъ, и ужасно удивился, когда Зина вдругъ вскочила вся трепещущая и крикнула: «Сойду съ твоей дороги, но буду мстить, такъ и знай!»

— Ахъ, Коля, вѣдь это ужасно! — розовое личико Лидии замѣтно поблѣднѣло.

— Голубка, пустые слова... И это было такъ давно. Ну чѣмъ она можетъ отомстить? Ни меня, ни тебя она не убьетъ и даже не позволитъ себѣ никакой выходки. Вѣдь вы же встречались, и она держала себя вполне корректно съ тобой.

Полная фигура, блѣдное матовое лицо, громадные бархатные черные глаза... Да, помнить. Рѣдкія встрѣчи, но всегда была корректной съ ней.

— Я вообще ни въ чемъ ее не виню, — сказала Лидия, — просто нахожу, что она тебѣ не пара.

— Еслибы у насъ были дѣти, это дало бы ей большой козырь, — продолжалъ Зоринъ размышлять вслухъ.

Но, взглянувъ на часы, Лидия оборвала его:

— Однако, милый, пора и тебѣ, и мнѣ. Слава Богу, что это послѣднее свиданіе такъ на юру, тайкомъ. Итакъ значить до вечера. Приѣзжай ко мнѣ прямо послѣ разговора и главное жги свои корабли безтрепетной рукой, какъ я.

Воздушный поцѣлуй. Отошла и даже не обернулась. Легкая, тоненькая, какъ дѣвочка.

И Зоринъ думалъ ей вслѣдъ:

— Моя больная любовь.

II.

Квартира у Зорина была большая, но не уютная и какая-то несурзкая. Жили они въ ней со дня свадьбы. Первое время Зоринъ пытался добиться домашнего уюта, но не умѣла какъ то его жена красиво обставить жизнь, не бы-

Послѣ приѣзда товарища Иоффе, посланника совѣтской республики, въ Берлинъ.

Снятіе эмблемы императорской Россіи—двуглавого орла—со зданія русской миссіи.

На брестской мирной конференціи.

По наброску съ натуры проф. Фрица Ройзинга.

Въ № 2 „Огонька“ были помѣщены двѣ моментальныхъ фотографіи, снятыя во время подписанія злосчастнаго для Россіи мирнаго договора. Для полноты запечатлѣнія всѣхъ фазисовъ этого историческаго событія мы воспроизводимъ изъ только что полученнаго нѣмецкаго „Weltspiegel“ рисунокъ нѣмецкаго профессора-очевидца, невольно сохранившаго для потомства то засѣданіе по выработкѣ основныхъ мирныхъ положеній, въ которомъ участвовали оба представителя совѣтскаго правительства—тов. Троцкій и тов. Иоффе.

У стола сидятъ: представители совѣтскаго правительства—1) тов. Троцкій и 2) тов. Иоффе—3) представитель высшаго германскаго командованія ген. Гофманъ, 4) представитель турецкаго правительства Татаатъ бей, 5) представитель германскаго правительства фонъ-Кюльманъ, 6) представитель болгарскаго правительства Галчѣвъ, 7) представитель австро-германскаго правительства гр. Чернинъ и 8) представитель турецкаго высшаго командованія Хакки-паша.

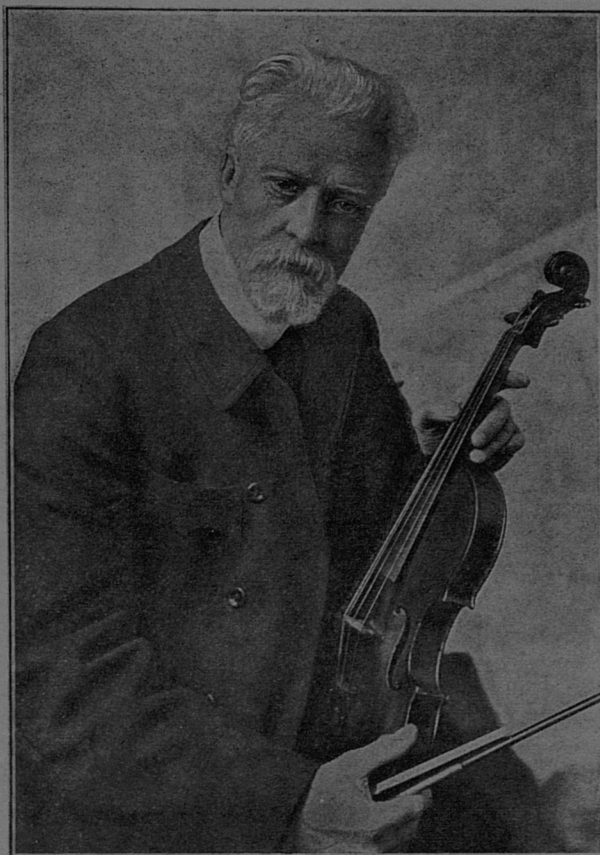
до въ ней чувства изящнаго и не нуждалась она въ немъ.

Бывало, онъ купитъ цвѣты, поставитъ ихъ въ вазахъ, а они черезъ день засохнутъ, никто воду въ нихъ не переѣмнитъ. Разставитъ мебель по-модному; смотришь, черезъ нѣсколько дней она вся сдвинута вмѣстѣ, чтобы удобнѣе было проходить. Пянино молчитъ, завалено нотами. Въ спальнѣ невообразимый хаосъ. Платья и бѣлье валяются неубранными. Какія то коробки...

Выйдя замужъ, Зина какъ то сразу опустилась, перестала заботиться о своей наружности, не понимала, что нельзя показываться мужу въ неуборѣ, ходила чуть не цѣлый день непричесанная, неумытая, въ грязномъ капотѣ, въ стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу. А онъ рядомъ съ нею въ безукоризненномъ бѣлѣ, всегда надутый, причесанный, точно гость.

Своей неряшливостью она всюду вносила безпорядокъ и прислугу не умѣла научить. Сколько онъ ворчалъ на сервировку стола, на однообразное, до одури надѣвшее меню, въ которомъ одно не дожарено, другое пережарено, третье не доварено... А потомъ и ворчать пересталъ.

Къ уходу проф. В. А. Маковского изъ академіи художествъ.

Маститый художникъ и ревностный любитель-скрипачъ со своей неразлучной «Гварнери».

Бывало, покажетъ, накроетъ самъ, учить и Зину, и прислугу, а на слѣдующій день опять все по-старому, и нельзя на Зину сердиться: она не изъ упрямства, — не умѣетъ. Ходитъ съ отсутствующими глазами и ничего не замѣчаетъ.

— Ну что ты дѣлаешь цѣлый день безъ меня, скажи на милость?

— Я люблю тебя, — въ этомъ мое все...

Если у нихъ гости — жалка своей безпомощностью. Сама въ гостяхъ томится.

Такъ, какъ то само собою, разошлись ихъ жизни, постепенно, безъ сценъ и размолвокъ.

Дольше всего онъ уговаривалъ ее насчетъ туалета.

Первые годы послѣ свадьбы она по утрамъ всегда провожала его на лѣстницу.

— Зиночка, отчего ты не одѣваешься? Ну, что если кто придетъ... — и опять безконечные не насытные поцѣлуи, опять его руки ласкали ея холодное матовое тѣло мраморной бѣлизны. — Скоро часъ, а ты все въ сорочкѣ бѣгаешь и, кажется, не думаешь одѣваться?

— Не думаю, — смѣялась она.

— Ну, будь же кокеткой!... Какія хорошенькія платья, матинэ я тебѣ заказалъ.

Проф. В. А. Маковский въ своей мастерской.

Новыя вѣянія, пронесшіяся шкваломъ всюду проникающаго „большевизма“, не минули и столь чуждаго „политикѣ“ учрежденія, какъ alma mater русской живописи — академіи художествъ. Маститый художникъ — жанристъ, по праву названный „Чеховымъ русской живописи“, не могъ примириться съ декретами, подрывающими въ корнѣ старые устои въ области искусства, и подалъ въ отставку.

на панели.—Мелочной торгъ всѣмъ, чѣмъ угодно.

— Но я тебѣ правлюсь такъ, правлюсь?—громадные черные глаза обдавали тепломъ.

— Ты мнѣ, положимъ, конечно, нравишься такъ, но...

— Слушать больше ничего не хочу. Это для меня главное и мнѣ не надо никакихъ нарядовъ. Ты за насъ двоихъ можешь наряжаться.

И она любила смотрѣть, когда онъ собирается въ гости. Сидѣла въ глубокомъ креслѣ, не отрывая отъ него обожающихъ глазъ.

Крестила, цѣловала его, приговаривала, провожая:

— Какой ты у меня красавецъ! Будешь тамъ навѣрное красивѣе всѣхъ. Этотъ неизмѣнный обожающій взглядъ. Онъ бывало сердится на нее за всѣ непорядки въ домѣ, а она точно не слышитъ, бровью не моргнетъ, безмолвно молится на него.

Послѣдніе три года Зоринъ почти всюду бывалъ одинъ. Зинаида Львовна сильно располнѣла и стала совсѣмъ непривлекательной въ дезабилье. Тяжелая фигура, вялое заспанное лицо и только глаза все такіе-же прекрасные. Впрочемъ за эту зиму въ нихъ явилось новое выраженіе, не то испуганное, не то вопрошающее, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, основываясь на томъ, что ему необходимо рано вставать и жалъ ее будить, онъ переѣхалъ изъ спальни жить въ кабинетъ.

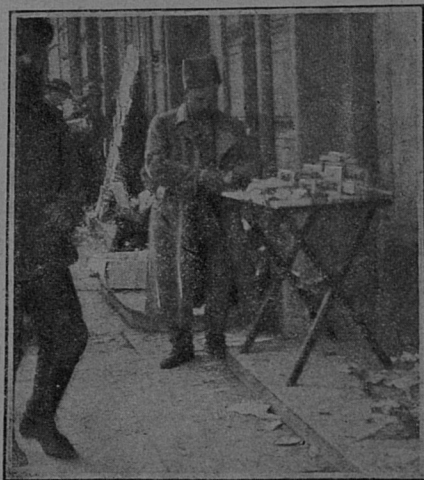
— Никогда не откроютъ сразу,—сердился Зоринъ въ это утро, позвонивъ въ третій разъ. Ключъ отъ французскаго замка остался у него въ карманѣ другого пальто.

Наконецъ, раздалось какое-то шлепанье и открыла сама Зинаида Львовна въ туфляхъ на босу ногу и въ наскоро застегнутомъ вкривъ и вкось сѣромъ фланелевомъ халатѣ.

— Ахъ, это ты? Вотъ никакъ не ждала тебя въ такое неурочное время! Я прислугу отослала..

— Да, это я.....—нелѣпо поддакнулъ Зоринъ,—пришелъ переговорить съ тобой. Пойдемъ въ кабинетъ.

Онъ свернулъ въ коридоръ. Не пошелъ черезъ гостиную. Этимъ длиннымъ око-

Гвардейскій полковникъ, торгующій сигарами.

нымъ путемъ надѣялся хоть въ послѣднюю минуту придумать, какъ онъ ей скажетъ.

Кабинетъ былъ очень большой и уютный—единственная во всей квартирѣ жилая и красивая комната. Но въ этотъ годъ Зоринъ совсѣмъ не сидѣлъ дома и тутъ тоже чувствовалось это: въ чернильницѣ пересохли чернила, журналы лежали неразрѣзанные, на от-

У Казанскаго собора противъ Екатерининскаго канала. «Все—домашняго изготовленія»...

Мы назвали „Новый“ Невскій, потому что отъ прежняго Невскаго, стройнаго, прекраснаго, являвшагося бы украшеніемъ для любой европейской столицы, не осталось и слѣда. Теперь это—широкая улица не великой Россійской имперіи, а скромной Москвиты, гдѣ толпа и торговля прекрасно отражаютъ нашу изолированность и подлѣтельность. Жизнь стала безумно дорога съ одной стороны, а съ другой—у большинства интеллигенціи нечѣмъ существовать. И вотъ весь Невскій запруженъ небывалыми торговцами, тащащими изъ дому все, что можно, для продажи, и на первые доходы увеличивающими коммерцію ходкими всегда и всюду предметами,—отъ карманныхъ часовъ до селедки включительно.

Тони природу въ дверь—она войдетъ въ окно. Большевики запретили публикаціи въ частныхъ газетахъ, но спросъ и предложеніе, конечно, отъ этого не уничтожились. И, въ результатъ, нѣтъ уличнаго столба, нѣтъ забитаго окна въ закрывшемся отъ недостатка товара магазинѣ, нѣтъ куска фасада между окнами, гдѣ бы не пестрѣли всевозможныя объявленія, преимущественно о распродажѣ мебели и другой домашней утвари. Даже желѣзныя вывѣски магазиновъ и тѣ сплошь заклеены печатными, гектографированными и рукописными объявленіями. Толпы стоятъ передъ ними, отыскивая нужное. На улицѣ больше народу. Человѣку не понимающему можетъ показаться, что у насъ сразу народилась бойкая уличная жизнь, какъ въ южныхъ столицахъ. Но тамъ темпераментъ, солнце и общественныя привычки зовутъ толпы на улицы, у насъ—выгоняетъ на проспектъ нужда...

календаръ все былъ еще іюль мѣсяцъ, хотя уже сентябрь кончился. Наскоро устроенный на ломберномъ столѣ туалетъ хранилъ слѣды спѣшнаго одѣванія. Нѣсколько брошенныхъ галстуховъ, нетерпѣливо сорванный воротничекъ съ измятыми краями. Видно крутилась жизнь Зорина въ какомъ-то вихрѣ.

И когда онъ сталъ посреди этой недавно любимой комнаты и рѣшился, наконецъ, взглянуть на жену, все еще не придумавъ, какъ онъ ей скажетъ,—она совершенно неожиданно опередила его:

— Я знаю, Николай, ты хотѣлъ мнѣ сказать, что ты любишь другую, и рѣшилъ уѣхать отсюда... Я этого ждала всѣ эти дни. Вѣдь такъ?

Онъ перевелъ глаза на письменный столъ, чувствуя, что краска сбѣгаетъ съ его лица, глухо пробормоталъ:

— Да...—и потупился.

— Я не хочу мѣшать твоему счастью съ Лидіей Александровной,—продолжала она,—считаю себя не въ правѣ стать на твоёмъ пути. Уѣзжай, когда хочешь, но у меня будетъ къ тебѣ только одна маленькая просьба... — и она подошла къ нему совсѣмъ близко.

Теперь онъ взглянулъ на нее съ благодарностью. Милая, какъ она значительно облегчила ему положеніе. Вотъ ужъ онъ не ждалъ!—и воскликнулъ съ большимъ жаромъ:

— Все, что могу исполню, конечно, все...

— Не сомнѣваюсь, что ты ее любишь, и васъ ждетъ счастье, но вѣдь это не мѣняетъ прошлаго? Вѣдь и у насъ съ тобой были хорошія переживанія, правда?

Промелькнули въ памяти семь лѣтъ. И пора влюбленности и красивое бѣлое ма-

Косметика и мелкая галантерея. (Свое, собранное отъ знакомыхъ «на комиссію» и кое-что прикупленное).

товое тѣло, такъ всецѣло безъ остатка отдающеся ему.

— Были, конечно, были. Я всегда это говорилъ и буду говорить.

— Ну, вотъ видишь ли, мнѣ вѣдь въ будущемъ ничего не надо... Но хотѣлось бы, чтобы ты, уходя, не забылъ нашей первой поэтической встрѣчи, и первыхъ безумныхъ мѣсяцевъ страсти, и этого сегодняшняго послѣдняго дня со мной.

Онъ невольно отстранился, какъ почувшій опасность звѣръ.

— О, я прошу очень немногаго, — протинула она къ нему руку, — побудь со мною два часа, со мной наединѣ... Прислуга не вернется до вечера. Не такъ ужъ это трудно? У тебя впереди цѣлая жизнь счастья съ ней, неужели ты въ память прошлаго не можешь подарить мнѣ эти два часа?

III.

Острое чувство вины передъ женой притушилось въ душѣ Зорина. Все обошлось такъ просто и легко... Упалъ порывъ благодарности, не клокотали больше рыданія въ груди. Опять чужой и непривлекательной и казалась она ему, давно уже вычеркнутая изъ сердца.

И, корректно поклонившись, точно въ салонъ пердъ любезной хозяйкой дома, Зоринъ сказалъ:

— Если ты этого непременно хочешь, — пожалуйста.

Она кротко сказала:

— Спасибо. Пройдемъ ко мнѣ въ спальню.

Чуть замѣтная усмѣшка промелькнула по его губамъ.

Обычныя женскіе приемы! Будетъ бить на чувственность, надѣется на силу привычки. Пустить все въ ходъ, чтобы одурманить его ласками. Пошлое мѣшанство!

И онъ вошелъ вслѣдъ за нею враждебный и злобный.

— Пожалуйста, на мгновеніе отвернись къ окну! — попросила она.

И онъ проницески сказалъ:
— Слушаю-съ.

И, забарабачивъ по стеклу, думалъ:

«Такъ и есть! Теперь навѣрное переодѣвается въ какой-нибудь красивый капотъ изъ прежнихъ временъ и готовится къ сценѣ».

Слышны были ея шаги. Потомъ точно что-то шелкнуло. Опять шаги, и застонали пружины матраца.

— Ну, я обернусь, — хмуро сказалъ Зоринъ, — не потому, чтобы мнѣ было интересно, а просто отъ окна дуетъ.

Оттого, что она ему ничего не отвѣтила, ему пришлось на нее взглянуть.

Лежить безобразной громадой все въ томъ же капотѣ, даже пикейнаго покрывала не приподняла, скомкала его и изъ подъ капота торчитъ оборка не свѣжей юбки. Смо-

трить въ потолокъ.

«Но глаза у нея все таки прекрасные» — невольно подумалъ Зоринъ, взгля-

Часы карманные — случайные.

нулъ на часы и сѣлъ на кушетку, оглядывая комнату.

Непостижимо, чтобы у женщины могло быть такъ неуютно. И этотъ сборный умывальный приборъ, и всѣ интимныя стороны женскаго туалета на виду и ничего не прибрано, волосы въ гребенкѣ на туалетѣ, обгрызенное яблоко брошено на раскрытую книгу.

Становилось откровенно скучно. Жаль было этого безсмысленно потраченнаго времени. Даже благодарности онъ больше не чувствовалъ къ женѣ, ни за прошлое, ни за то, что она облегчила ему тяжесть объясненія, и сама такъ просто развязала ему руки.

Онъ вскочилъ и нервно прошелся до двери. Остановился передъ кроватью.

— Послушай, если тебѣ надо что-нибудь сказать мнѣ, говори...

А то вѣдь нелѣпо такъ сидѣть и молчать...

Съ потолка она перевела глаза на него.

Боже, какіе громадные! Теперь уже не обожающіе, съ новымъ трагическимъ выраженіемъ, глубокіе, какъ пропасть. Слабый стонъ вырвался изъ ея стиснутыхъ губъ.

Его передернуло. Онъ неопредѣленно махнулъ рукой, глубоко сѣлъ въ кресло рядомъ съ кушеткой и взялся за раскрытый романъ.

Было очень тихо, не только въ этой комнатѣ, но во всей квартирѣ, и съ улицы тоже ничего не доносилось. Правда, что дверь въ коридоръ была закрыта и спущена портьера. Удивительно тихо. Только отъ времени до времени слабые стоны съ кровати. Онъ все время слышалъ ихъ, но нарочно не поднималъ глазъ, рѣшилъ не обращать вниманія, заинтересовался любовнымъ объясненіемъ въ романѣ и недовольно морщился, когда стоны прерывали нить разговора героевъ. Наконецъ, отшвырнулъ книгу. Грубо крикнулъ:

— Что это въ самомъ дѣлѣ. Если что-нибудь болитъ, скажи. Брось что-то разыгрывать, знаешь, что я терпѣть этого не могу.

Опять она ничего не сказала, и первый послѣ этого стонъ былъ глуше, но второй вырвался съ острыми мучительными нотками.

Зоринъ подскочилъ къ кровати:

— Перестанешь ты, наконецъ, притворяться?... На меня это не дѣйствуетъ, понимаешь.....

И пока губы выговаривали эти послѣднія слова, глаза видѣли, что по ея бѣлому матовому лбу катится потъ.

«Однако... — мелькнуло въ головѣ, — этого ужъ не поддѣлаешь...»

Онъ нагнулся къ ней, взялъ ея руку. Вялые холодные пальцы не шли на встрѣчу его пожатію.

— Зина, тебѣ нехорошо? Прими валеріана... Гдѣ у тебя стоитъ?

И уже съ тревогой шарилъ взглядомъ по комнатѣ, не находя пузырька.

— Зина, гдѣ болитъ?... Я сейчасъ принесу валеріанъ.... У меня въ кабинетѣ есть...

Взялся за ручку двери и не смогъ открыть.

Снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Ничего не понять съ начала.

— Зина, зачѣмъ ты закрыла?

И тутъ какой-то ужасъ сдавилъ виски. Рванулся къ кровати.

— Зина, что ты сдѣлала?

Розоватая пѣна вскипала въ уголкахъ почернѣвшихъ губъ. Все тѣло сводило судорогами. Колесомъ выгибалась спина. Только пятки и затылокъ лежали двумя опорными точками. И уже не сдержанные стоны, а страшные вопли клекотали

И съму-
тящимся
разумомъ,
самъ не
помнить
какъ, рас-
крылъ д-
верь
ключемъ,
какъ, спи-
бая съ

Петроградъ въ эти дни.—„Новый“ Невскій проспектъ.

Виды войны въ стереоскопѣ. (По полтиннику за «сеансъ»).

Дѣти для дѣтей. Гимназистъ торгуетъ на панели картинками для наклеиванія и для обклеиванія картонажей.

въ груди. Кричала о страданіи каждая черточка этого блѣднаго искаженнаго лица. Все расширялись и темнѣли громадные глаза, увидѣвшіе что-то страшное, для него непонятное.

— Зина, Зина, что ты съ собой сдѣлала? Гдѣ ключъ отъ двери?

Онъ силится уложить ее прямо, надавливалъ на выгибающійся животъ, безтолково суетясь, то кидался къ двери, стараясь ее открыть, то захватывалъ пригоршнями воду изъ умывальника и обливалъ жену или начиналъ тереть ей виски и скрюченные пальцы.

— Зиночка, ну гдѣ ключъ? Подъ подушкой, да?... Взгляни на меня! Что ты приняла?... Зина,ними съ меня этотъ ужасъ, мы переговоримъ, устроимъ какъ нибудь иначе жизнь... Вѣдь ты мнѣ дорога, я не отрицаю, Зина...

И когда руки его пробрались подъ подушку и, онъ, наконецъ, нащупалъ ключъ, что-то хрустнуло въ ея тѣлѣ, точно оборвалось.

— Зина, одно мгновеніе... Я за докторомъ...

Она смотрѣла на него въ упоръ по новому, смотрѣла такъ страшно, что онъ не двинулся съ мѣста. Потомъ склонился къ ней, схватилъ ее за голову и, не чувствуя ея жуткаго холода, не замѣчая, что кожа точно прилипла къ черепу и на глазахъ заостряется носъ и какъ то странно болтается эта крупная прекрасная голова, поддаваясь толчкамъ его руки,—приподнялъ подъ плечи мертвое тѣло, встряхивалъ его, не хотѣлъ повѣрить, не давалъ себѣ понять.

Кричалъ въ изступленіи:

— Зина, не смѣй, не смѣй! Зина, вѣдь я тебя люблю! Какое ты имѣешь право!..

подъ ношей этого странно неподвижнаго неудобнаго тѣла вылобокъ его на лѣстницу, чуть не падая и тамъ тоже кричалъ изступленный, требовательный:

— Зина, Зина, не смѣй!..

* * *

По смерти жены Зоринъ былъ у Лидіи Александровны Мерцъ только одинъ разъ.

На половинѣ фразы вскочилъ,

За чтеніемъ частныхъ объявленій.

какъ опшаренный, крикнулъ «Не могу, не могу!», вытянулъ руки, точно отталкивая отъ себя что-то страшное, и убѣжалъ, не простившись.

Вскорѣ послѣ этого его видѣли на вокзалѣ въ военной формѣ съ добровольцами, записавшимися въ ряды французскихъ войскъ.

Онъ шелъ, размахивая руками и громко говорилъ:

— Это единственный выходъ: я бы не хотѣлъ вернуться.

Е. Фортунато.

Въ кинематографѣ.

— Какъ холодно въ залѣ сегодня! Съ экрана Японская гейша такъ грустно глядитъ...

— ...А знаете... Кажется, старая рана Открылась опять и болитъ...

— ...Сейчасъ будетъ новая смѣна картины...

Знакомое что-то... Ахъ да, «Маскарадъ»...

Арбенинъ у ногъ умирающей Нины...

...Послушай, одинъ только взгляды!

— Вы сердитесь? Полно, вѣдь я пошутила...

Мы снова на вы и мы только друзья!..

Смотрите, охотникъ убилъ крокодила...

Что? Громко смѣяться нельзя?

— Но я не могу... Истекающій кровью

Сейчасъ крокодилъ опустился на дно...

Ахъ, сердце когда истекаетъ любовью,

Вѣдь это смѣшно же, смѣшно!..

Евг. Руссать.

Печеніе домашняго изготовленія. (По одному рублю за кусочекъ тѣста величиною въ мѣдный пяточокъ).

— Не могу!
— Да тебѣ же польза. Али въ пу-
пуру самъ не вѣришь?..
— Не могу съ васъ лишка брать.

билльных крагахъ и пальто англійскаго
покроя—колоколомъ, не спѣша и солидно
отдуваясь, лѣзетъ въ карманъ и достаетъ
бумажку.

Тутъ банкъ, а
не мѣняльная
контора...

— Плакали мои пупюры. Господи!
То деньги были, а то имя имъ дадено
какое. А? Собачее. Пупя!.. Пупюра!..
Пупошка!.. Тьфу. Тринадцать. Дюжина
то чья, а? Чертова!

Старуха ожесточенно плюется, но отъ
гнѣва поморщенный ротъ пересохъ:
плюнуть то и нечѣмъ.

* * *

У воротъ, на которыхъ еще дотрепы-
ваются разорванныя вѣтромъ свеколь-
наго отгѣнка тряпочки, васъ окружаютъ
нѣсколько зоркаго вида господь.

Глядятъ сурово въ глаза.

Шагаютъ рядомъ.

— Сударь. Можеть быть у васъ,
извините... можеть суммы то велики?
Денегъ много несете?

— Да вамъ то что?..

— Въ вашу-съ пользу-съ. Не хорошо.
Время, знаете, какое. Тревожное. Очень
неблагополучно можеть случиться...

— Не боюсь!

— Напрасно. Героизмъ на фронтѣ
хорошъ, а не у банка. Мы васъ готовы
сопровождать...

— Да вы то кто.

— А вы
не сомнѣ-
вайтесь.
Перво на
перво. Жу-
ликъ и ма-
родеръ, гро-
мильныхъ
дѣлъ мас-
теръ такъ
развѣ по-
дойдетъ?
Онъ издали
станетъ
охаживать.
А мы—на-
проломъ.
Честно. Бла-

городно. Мы вамъ все покажемъ...
Лисицынъ, покажи-ко барину аттес-
татъ. У насъ канцелярія походная въ
полной справѣ.

Одинъ изъ шагающихъ рядомъ, чело-
вѣкъ въ кожаныхъ желтыхъ автомо-

Въ самомъ дѣлѣ—атте-
статъ.

Купецъ Мошкваровъ
симъ удостовѣряетъ, что
граждане Анкидимовъ и
Лисицынъ сопровожда-
ютъ его всегда, когда
«къ тому встрѣчается
необходимость».

— У насъ револьверы.
Бьемъ—галкѣ въ глазъ...
безъ промаху. Георгиев-
скіе — оба. Кавалеры.
Честные солдаты. Мы
всегда у воротъ дежури-
мъ и насъ знаютъ. Насъ мож-
но все равно, что извоз-
чика скликать... Есть тутъ
другіе — такъ съ тѣми
опасно.

— Почему?

— А причина—проста. Очень ши-
карны. Автомобиль. На кой онъ лядъ-то
моторъ?!.. По моторамъ теперь промыш-
ляютъ безъ ошибки. Опасно... Никогда,
вотъ вамъ совѣтъ, моторомъ не ѣдите.
Опасно! Мы миллионы, большіе миллионы
переворочали!

Говорить съ гордостью. Словно пред-
ставитель огромной фирмы.

Средневѣковая Италія знала бравыхъ
людей, работавшихъ по оплаченному
убійству. Наше темное средневѣковье,—
1918 года—знаетъ людей обратной про-
фессіи, столь же странной и невеселой...

* * *

Чиновникъ банковскій рассказываетъ.

— Тутъ все время вертѣлся одинъ!
Въ вестибюлѣ. Бѣлостый, волосатый,
вродѣ цыгана или молдаванина. Никому
неведомекъ—кто онъ и что ему нужно.

Оказывается, большія деньги выски-
валъ. Все лакомѣй выбиралъ.

Однако, большія деньги съ большимъ
и внушительнымъ эскортомъ сопрово-
ждаются. Вооруженіе прямо таки—твой
фортъ Ино, а не лимузинъ.

Вѣрите-ли, въ такое отчаяніе при-
шелъ нашъ цыганъ.

Какъ-то видѣ себя выскочилъ и одинъ-
единешенекъ шваркнулся со всѣхъ рѣз-
выхъ ногъ за автомобилемъ, нагналъ
у колоннъ Казанскаго собора, вытащилъ

изъ кармана, совсѣмъ нелѣпо, револь-
веръ и, какъ дубинкой, погрозилъ да
во все горло бѣшенно прооралъ:

— Ладно!.. Подстережемъ!.. Не все на

вашей улицѣ
праздникъ!..

Кто - то
вздумалъ на-
двинуться —
зубами ляс-
кнулъ и
въонюмъ вы-
вернулся.

Изъ авто-
мобиля во-
оруженные
молодцы,
какъ на под-
боръ, выска-
чили: полная
готовность
на рожахъ
означена. Да гдѣ тамъ!

Цыгана и слѣдъ простылъ.

Вотъ до чего доводитъ безнаказан-
ность всеобщая, хотя и съ исключеніями
въ видѣ разстрѣловъ, какъ бы ни были
часты эти исключенія, въ какое общее
мѣсто разстрѣлы ни превращались бы...

* * *

А вотъ у кассы.

Наконецъ, чекъ выписанъ.

Семьсотъ пятьдесятъ и еще двѣсти
пятьдесятъ: на кого нибудь изъ членовъ
семьи.

А тамъ будь плодовиць, какъ еван-
гельская смоковница, и будь обвѣшанъ
дѣтьми, аки смоквами, ни шеллега, какъ
говаривалъ гоголевскій герой, не полу-
чишь.

На рукахъ мѣдныя бляшки съ дырой.

Опять нѣсколько обомшелыхъ гробо-
вого вида старушенокъ и побѣдоносцев-
скихъ эпохъ, если не лорисмеликовскихъ
старичковъ, либо изъ Гавани, либо съ
Песковъ.

Безтолково суются къ оконцу.

— Милостивый государь!—вскипаетъ
и фыркаетъ самоваромъ одинъ изъ
гнѣвливыхъ денежныхъ гаванцевъ,—
у меня номеръ «сто семьдесятъ шестой»,

и вы меня
груздемъ
маринуете
шестой
часъ, а тутъ
у васъ фу-
ксомъ прохо-
дятъ восьми-
сотые но-
мера...

— Эти номера, — пѣдитъ изъ
окошечка невозмутимый голосъ,—
ничего не означаютъ. Ихъ выдаютъ
не по порядку...

— А почему не по порядку?
Свобода?—язвить человѣкъ съ крас-
нымъ фуляромъ на опухшей щекѣ
и съ ватой, заячьимъ ухомъ лѣзу-
щей изъ его уха.

— Не свобода, а иной поря-
докъ. Вы записались, и вашу вы-
писку посылаютъ при любомъ номерѣ,
повторяющемъ вашъ номеръ. Подо-
ждите...

Объ стороны другъ друга не понимаютъ и сердятся.

Откуда то нанесли, наташили стульевъ, табуретовъ.

Точно въ трактирѣ послѣ внушительнаго, вспяянаго дебоша.

Разставили какъ попало.

Разсѣлись въ разсерженныхъ, надутихъ позахъ. * * *

Предъ окошечкомъ заказныхъ банковскихъ отправленій—довольно долгій хвостъ.

Всѣ волнуются. Лица скорбныя.

Здѣсь послѣднее приближище. Больше некуда идти.

Россия растоптана и разрѣзана нѣмецкими ножницами.

Россия расчленена, и въ Петроградѣ никто толкомъ не знаетъ, что творится въ Ямбургѣ, точно такъ, какъ и въ Гамбургѣ.

Не считите это за каламбуръ, даже плохого свойства, — а потолкайтесь у этого трагическаго окошечка. Вы поймете съ особой силой, какъ горестно всеобщее наше положеніе.

Петербургъ былъ окномъ въ Европу.

Это банковское окошечко:

— Оно въ бывшую Россію!

Окно въ пространство, въ пустоту...

На почтѣ денегъ не берутъ. Оправдываются.

— Мы то возьмемъ, а вашъ городъ или деревня не примутъ. Одна канитель.

— Тогда денешу возьмите! Срочный переводъ по телеграфу.

— И денеша не поможетъ. Не дойдетъ.

Остается одно — попробовать черезъ банкъ.

Вкладчики предлагаютъ произвести заурядную операцію, нынѣ обратившуюся

дамы, у которой ребенокъ умираетъ въ Каменской отъ тифа.

Ея очередь уже была. Она уже стояла у рокового окошечка и ей объяснили, что ничѣмъ банкъ помочь ей не можетъ.

Но какъ зачарованная она вслушивается въ объясненія — другимъ.

Авось, найдетъ выходъ.

Говорятъ всѣмъ.

— Мы отправимъ, но только безъ ручательства. Телеграмма стоитъ пятьдесятъ рублей.

— Хорошо, плачу. Можете поручиться за доставку?

— Ни въ коемъ случаѣ. Слѣдующій. Вамъ куда?

— Ташкентъ.

— Темна вода въ облацѣхъ. Да у нихъ и денегъ нѣтъ.

— А вы отсюда отправьте.

— Такъ не дѣлать. Мы только заказъ на деньги передаемъ. Слѣдующій.

— Мнѣ въ Ливны.

— Тамъ не признаютъ насъ... Слѣдующій...

— Мнѣ пожалуйста сорокъ рублей...

— Да куда, куда?

— Въ Кашинъ.

— Такъ бы разомъ сказали. Газеты читали? Кашинъ свою монету тискаетъ и насъ совсѣмъ не признаетъ.

Дальше. Слѣдующій...

Петербургъ заглядываетъ въ окошечко. Оттуда глядитъ пустота. Послѣдняя связь съ страной надорвана.

Мы повисли въ пространствѣ... * * *

Пассажъ. Яркій день. Сквозь стекло конька падаетъ голубой свѣтъ.

Мимо витринъ бродятъ дамы, дѣти съ звѣвающими гувернантками, а среди ихъ беззаботной толпы застыли, какъ аисты надъ болотомъ, нѣсколько хмурыхъ господъ въ котелкахъ, сбившихся на ухо.

У нихъ таинственные разговоры, и ихъ глаза хитро плаваютъ на лицахъ собесѣдниковъ.

Можете подслушать:

— Такъ вы можете мнѣ заботиться, чтобы вы такъ жили, что у васъ есть норвежскія кроны?!

— Я отвѣчаю, — и норвежскія и шведскія.

— Такъ. Почему вы даете?

— Это другой вопросъ, и изъ этой оперы я вамъ спою: первая — два десятилетия пять и полупки не спущу, а за вторыми со всѣми прификсами и по дружбѣ возьму три и съ пятачкомъ.

— Гм. А датскія кроны у васъ есть?

— У меня все есть. Кроны. Если хотите и короны... Ехе! Хотите я васъ скоропадскимъ назначу въ Миргородъ.

— Такъ нельзя-ли безъ шутокъ. Сколько?

— Пять восемьдесятъ пять. Какой вы недотрога... Хотите іены? Можетъ быть, вы пойдете покупать гейшу, я знаю что?!.. Есть финскія марки до краснобѣлогвардейскаго времени.

Настоящій «суомми», первый сортъ...

Тутъ торгуютъ деньгами всей земли. Тутъ добываютъ русскій рубль, ставятъ на его могилку — крестъ, облѣпленный кронами и франками... скверно пахнетъ

въ пифагорову премудрость. Сдѣлать банковскій переводъ никакъ нельзя.

Происходитъ діалогъ подъ рыданія

— Я же уже сказалъ. Ну. Кроны, такъ кроны, а не солома!

— Я спрашиваю норвежскія?

около денегъ. Скверно пахнетъ и отъ денегъ — мертвыхъ, умирающихъ.

Авгуръ.